

Гурвич. Добрый вечер, коллеги! Мы начинаем – я уже немножко сбился со счета, но, по-моему, 85-е заседание нашего диспут-клуба. Сегодняшняя тема – «Банковская система: риски и способы оздоровления?» По-моему, одна из самых важных, актуальных сегодня тем. В диспуте участвуют знакомые вам эксперты. Слева от меня – Алексей Леонидович Ведев, директор Центра структурных исследований Института им. Гайдара, справа – Олег Геннадьевич Солнцев, руководитель направления Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, представляют два наших известных, выдающихся аналитических центра, и вам уже знаком не только каждый из них по отдельности, но и они как пара диспутантов.

Аузан. Как спарринг-партнеры.

Гурвич. Да, как спарринг-партнеры. Они примерно год назад в последний раз выступали, и тема тогда была - «Может ли денежно-кредитная политика Центрального банка стимулировать экономический рост?» И я специально объясняю, чтобы подчеркнуть, что в этот раз будет другая тема. Не про Центральный банк, а про банки. Про просто банки.

На обсуждение выносятся основные вопросы: каково текущее состояние и риски в банковской системе России? Насколько существенны риски, связанные с системообразующими банками? До какого уровня возможно укрупнение банковского сектора? И насколько снизится рентабельность в банковском секторе при усилении надзора?

Понятно, что риски многочисленны; есть риски, связанные с чувствами, вызываемыми регулярным оздоровлением банковской системы и т.д. Ну, и выносятся на обсуждение, если все видели приглашение, этот график, который показывает сводный опережающий индекс возникновения системного банковского кризиса.

Спасибо, я передаю ведение Александру Александровичу. Пожалуйста!

Аузан. Добрый вечер!.. Итак, уважаемые коллеги! Я напоминаю правила диспута на всякий случай. Что сначала идет 20-минутная презентация, и с первой презентацией выступает Алексей Леонидович Ведев. После этого два коротких вопроса задает Олег Геннадьевич - два коротких ответа дает Алексей Леонидович. Потом наступает время презентации Олега Геннадьевича Солнцева, до 20 минут, и два коротких вопроса от Алексея Леонидовича. И два коротких ответа.

Потом мы переходим на вторую фазу диспута, когда мы собираем вопросы зала к участникам диспута. После того как они ответят на эти вопросы, причем отвечать будут уже в противоположном порядке, то есть сначала Олег Геннадьевич, потом Алексей Леонидович, – после этого время, оставшееся до завершения диспута, то есть до 20:15, мы делим, оставив три минуты на заключительные благодарности участникам, делим между теми, кто хотел бы выступить с репликами. Таким путем определяется регламент.

Я, по-моему, совершил ритуальное оглашение правил, правило Миранды, и передаю слово Алексею Леонидовичу. Напоминаю, что у нас есть добрый следователь и злой следователь. Я жесткий модератор. Поэтому по времени, извините, буду отсекаль. Спасибо.

Ведев. Спасибо большое, Александр Александрович. Добрый вечер! На мой взгляд, вряд ли у нас сегодня состоится диспут, скорее это будет дискуссия о будущем российской банковской системе – ее архитектуре, принципах регулирования, структуре собственности, принципах конкуренции и прочее. Возможно, что за последние две-три недели актуальность этой темы несколько снизилась, но это действительно очень важная тема. На мой взгляд, оздоровление банковской системы РФ надо делать, и надо было это делать давно. Но, с другой стороны, новое руководство ЦБ собралось решать слишком много задач одновременно – и переход к инфляционному таргетированию, и снижение инфляции, и банковский сектор оздоравливать, и, что самое главное, что все это еще и в рамках геополитических рисков, то есть не в самые лучшие времена. Отмечу, что в это время и положение банковской системы РФ оказывается не слишком устойчивым.

Поэтому, конечно, это комплекс проблем, и я думаю, что мы сегодня частично их обсудим. И я думаю, что вряд ли – вот Олег Геннадьевич со мной согласится, – вряд ли у нас получится диспут, это дискуссия скорее будет. Потому что очень много неизвестных переменных, и, собственно говоря, у меня есть опасение, что отсутствует вообще какая-то идеальная модель, в рамках которой мы движемся в оздоровлении банковской системы.

У меня был дважды за последние пять лет опыт написания более или менее программных документов. В начале 2010 года мы презентовали доклад, подготовленный совместно с Институтом современного развития, он назывался «Структурная модернизация финансовой системы РФ». Более трех с половиной часов проходила презентация данного доклада, очень много критики авторы доклада услышали в первую очередь из-за того, что мы предлагали увеличить минимальный уставный капитал банков.

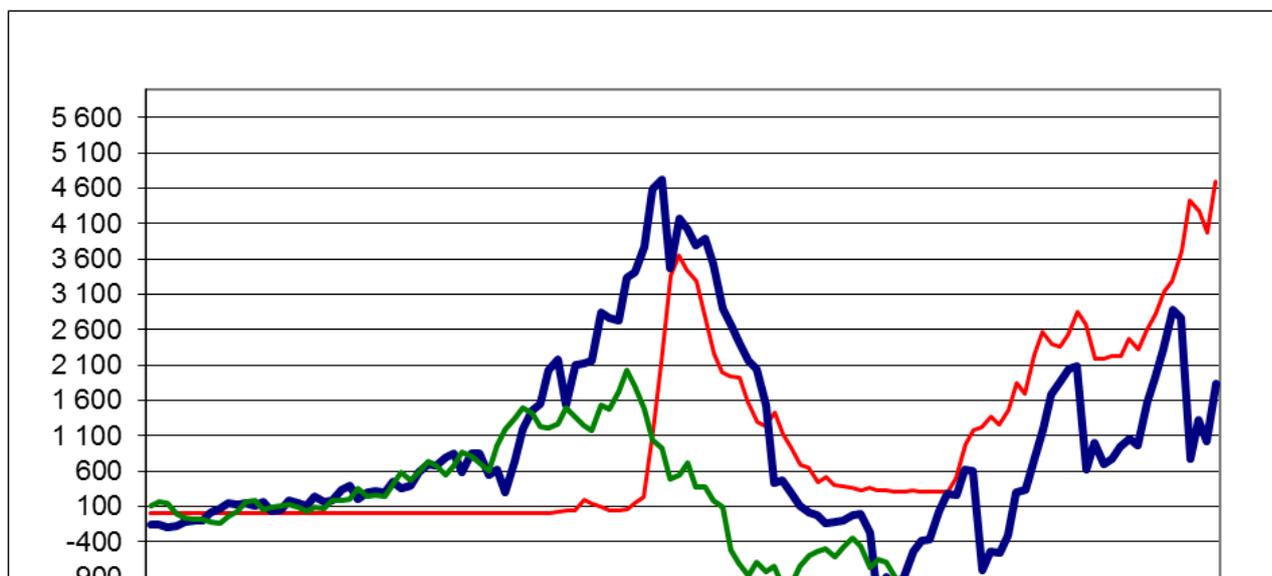
Аналогичные предложения были выдвинуты нами, когда мы делали «Стратегию-2020», и, в общем-то, ситуация примерно такая же и повторилась.

И сегодня, конечно, саморегулируемым организациям, банковскому сообществу мне хочется сказать только одно – что, собственно говоря, винить больше некого, и то, что сейчас идет игра, которая называется «Десять негрятя». Сегодня по три банка в неделю банкротится, видимо, потому что Департамент банковского надзора ЦБ РФ и АСВ больше чем с тремя банками не справляется. Напомню, что мы предлагали увеличить уставной капитал до, минимум, 1 миллиардов рублей с 90 миллионов тогда действующих. Это было в 2011, году, тогда было принято решение увеличить минимальный уставный капитал до 180 миллионов рублей. Таким образом, национальная банковская система осталась низко капитализированной и состоящей из более чем 900 банков, что само по себе порождало высокие риски.

Я попытаюсь кратко остановиться на том, что сейчас происходит в российском банковском секторе и на своем видении возможных сценариях развития событий здесь, и их последствиях.

Прежде всего, представляю график, который хорошо иллюстрирует эволюцию развития банковской системы. Толстая синяя линия – соотношение между банковскими кредитами и депозитами нефинансового сектора. Это принципиальный индикатор, который определяет сценарии развития банковской системы. Если это соотношение меньше 100% (т. е. сбережения предприятий и населения превосходят кредиты банковской системе), то и не возникает финансового разрыва в банковской системе (так называемой «кредитной ямы»), и такой сценарий обычно называют «сбалансированное развитие». Если кредиты превосходят депозиты (то есть выше нуля толстая линия), то это указывает на стимулирующее кредитное развитие, что обуславливает форсированный рост банковской системы. И, конечно, ключевой вопрос состоит в том, за счет чего данный ресурсный разрыв восполняется.

График. Разность между кредитами и депозитами нефинансового сектора, кредиты ЦБ РФ, чистые иностранные пассивы, млрд. руб.

В период с 2003 по 2005 гг. наблюдалось сбалансированное развитие национальной банковской системы. Далее наблюдался взрывной рост потребительского кредитования, финансируемый, в том числе, за счет иностранных кредитов (зеленая линия – чистый привлеченные средства из-за рубежа банковской системой, или чистые иностранные пассивы). В силу глобального финансового кризиса приток внешних средств в российскую банковскую систему прекратился в середине 2008 г., в результате чего возник кризис ликвидности, полностью закрытый Центральным банком РФ. Красная линия – это кредит Центрального банка банковской системе. Далее, в 2009-2010 гг. наблюдался период относительно сбалансированного развития банковской системы. Более того, даже были периоды, когда казалось, что ликвидность в банковской системе крайне избыточна. Однако в 2011 году банковский сектор вновь встал на путь форсированного развития, прежде всего в области потребительского кредитования, и, как видно на графике, все разрывы в ресурсах банковской системы вновь финансировались Центральным банком. Собственно говоря, вот в рамках такого «форсажа» мы сейчас и находимся, и осуществляем расчистку-зачистку или оздоровление банковской системы.

По итогам 2013 г. темпы роста основных показателей банковского сектора РФ замедлились по сравнению с 2011–2012 гг. :

- ❑ Совокупные активы в 2013 г. выросли на 16,0% (2012 г. – 18,9%),
- ❑ Кредиты предприятиям и населению – на 17,6% (2012 г. 21,0%).
- ❑ Суммарная задолженность банков перед Банком России и Министерством финансов РФ достигла 8% совокупных активов, превысив 4,5 трлн руб.
- ❑ Кредиты Банка России и депозиты Министерства финансов РФ обеспечили 17% годового прироста активов банковского сектора.
- ❑ Рентабельность собственных средств в 2013 г. уменьшилась на 3 п.п. по сравнению с 2012 г. (16,7% против 19,7%)
- ❑ Номинальный размер прибыли впервые после кризиса оказался ниже предшествующего года (994 млрд руб. в 2013 г. против 1012 млрд. руб. в 2012 г.)

Именно вот в таком нисходящем тренде начались такие масштабные отзывы лицензий у банков.

Если мы рассмотрим первые итоги «оздоровления» банковской системы, то наиболее показательным был ноябрь-декабрь 2013 г., поскольку уже в первом квартале 2014 г. уже присутствовала и девальвация рубля, потом и геополитические риски, масштабный отток капитала, но, собственно говоря, результат был крайне легко прогнозируем.

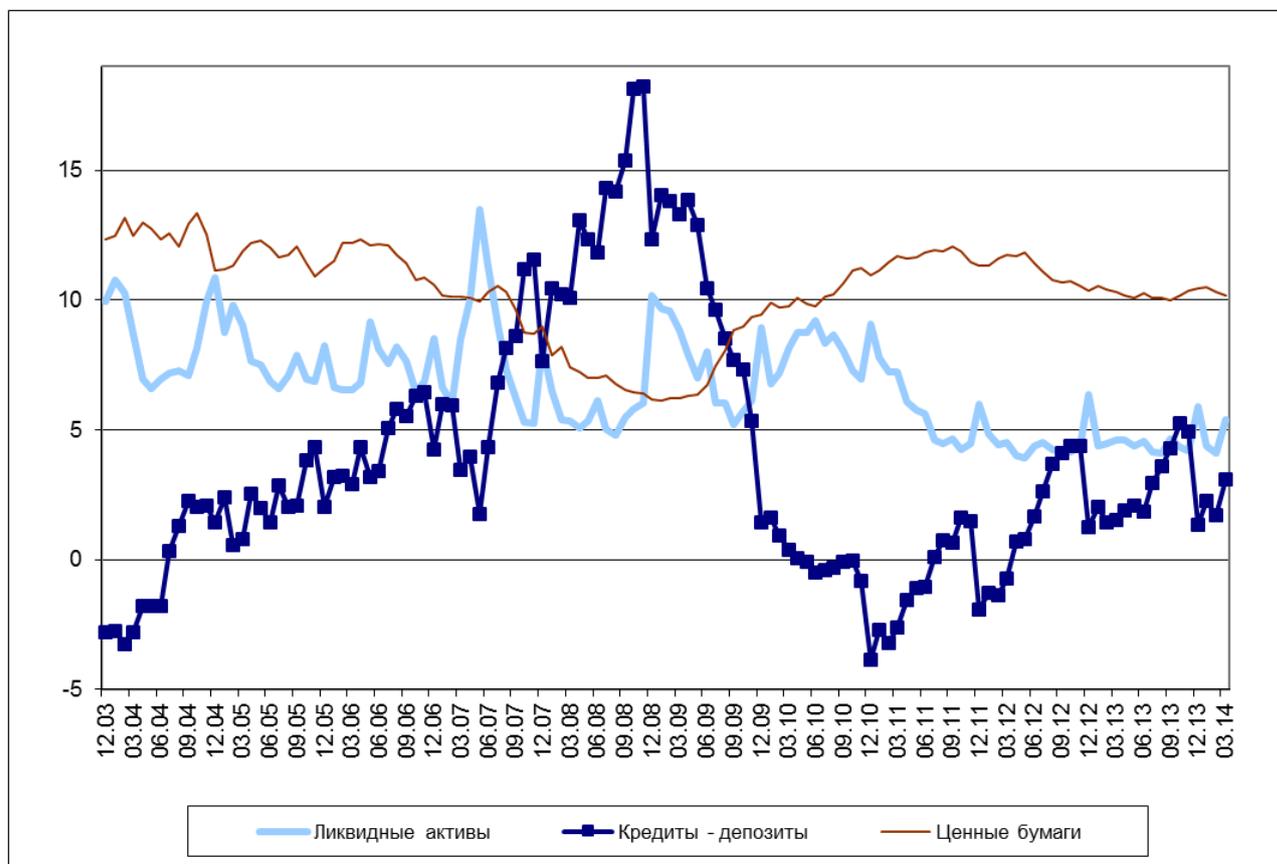
Банковские сбережения населения в ноябре-декабре 2013 г. увеличились на 5,2% (820 млрд. руб.) при том, что годом ранее в ноябре-декабре 2012 г. прирост вкладов составил 8,3% (1088 млрд. руб.) Темп роста депозитов в 30 крупнейших банках почти не изменился (8,6% за ноябрь-декабрь 2013 г. против 8,9% за ноябрь-декабрь в 2012 г.), а темп роста депозитов в госбанках с учетом Сбербанка ускорился с 8,7% в конце 2012 г. до 10,9% в конце 2013 г. В средних и мелких банках за ноябрь-декабрь 2013 г. средства населения сократились на 208 млрд. руб. (5,3%), против роста на 214 млрд. руб. (6,5%) за аналогичный период 2012 г.

Крупные банки в ноябре-декабре 2013 нарастили привлечение средств от корпоративных клиентов на 14,2% (1304 млрд руб.), в том числе госбанки – на 15,0% (926 млрд руб.), что заметно больше, чем годом ранее (8,4 и 6,5% соответственно). В то же время средства корпоративных клиентов в мелких и средних банках в ноябре-декабре 2013 г. выросли всего на 5,8% (176 млрд руб.), против 12,0% за аналогичный период 2012 г.

То есть рынку был послан сигнал, что у нас есть два банка, плюс там еще, может быть, пять-десять, которые мы условно назовем «системообразующие», а судьба остальных понятна. Поэтому, собственно говоря, по остаткам на корпоративных счетах, и на счетах физических лиц – темп роста ускорился в Сбербанке и прочих госбанках, а в крупных банках темпы роста сократились, а в мелких и средних банках они и вовсе стали отрицательными.

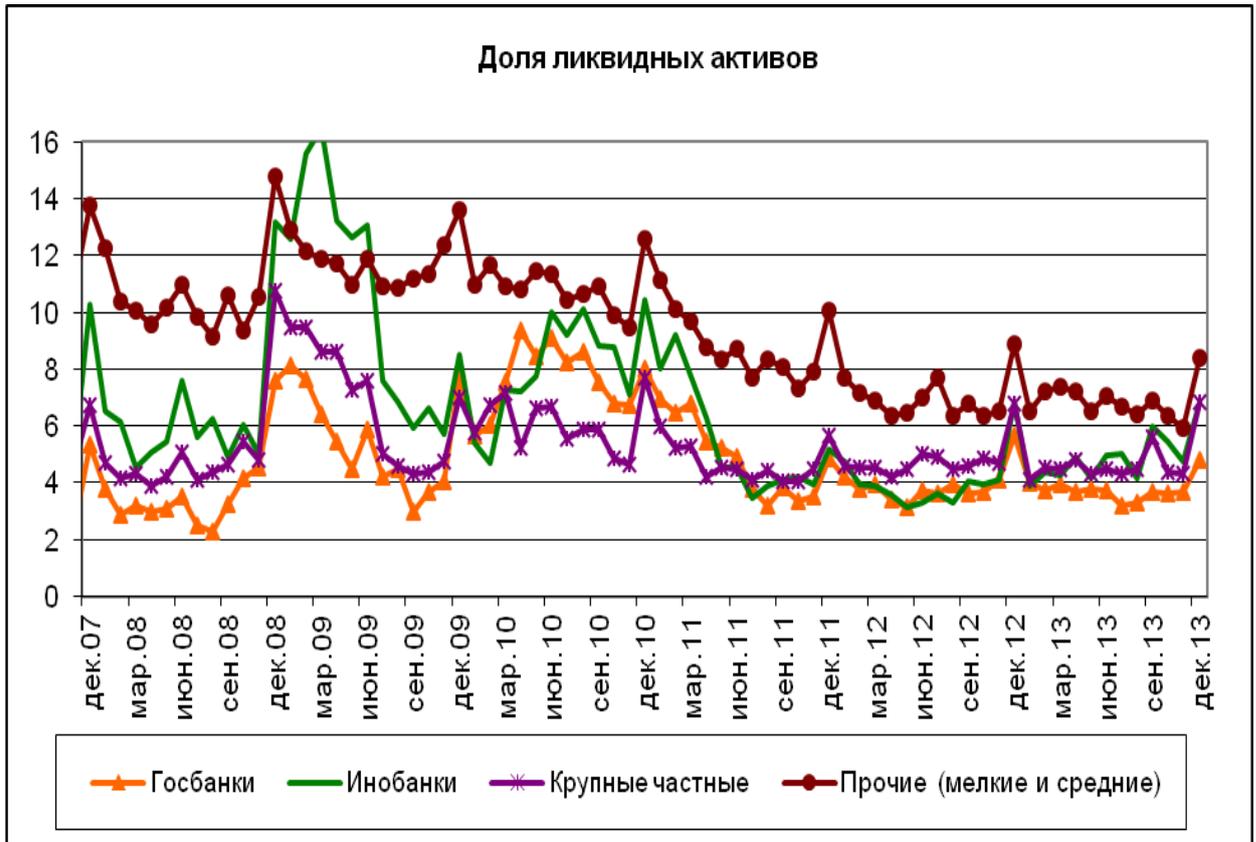
Важно, что при этом, если рассмотреть долгосрочный тренд, то ликвидность в банковской системе падает. На графике ниже голубая линия – это соотношение ликвидных активов к активам. Этот показатель постоянно снижается, что ставит устойчивость банковской системы, конечно, под большие сомнения.

График. Ликвидные активы, вложения в ценные бумаги и превышения кредитов над депозитами нефинансового сектора, в % к активам

Но это не вся история, потому что одной из характерных черт российской банковской системы является ее сегментированность. И в каждом ее сегменте (а сегменты – это крупные частные банки, госбанки, мелкие и средние банки и иностранные банки), в силу как состава учредителей, так и масштабов бизнеса, абсолютно разные требования к уровню ликвидности. Понятно, что Сбербанк и ВТБ вполне себя комфортно чувствуют при отношении ликвидных активов к активам в 2-4%, тогда как мелкие и средние банки могут устойчиво работать на уровне 10-15% ликвидных активов к активам. И это принципиально важно с точки зрения анализа российской банковской системы. Здесь важно понимать, что при этом у нас идет форсированный рост банковской системы, с разрывом между объемом кредитов и депозитов нефинансового сектора РФ, который финансируется Центральным банком в виде кредитов.

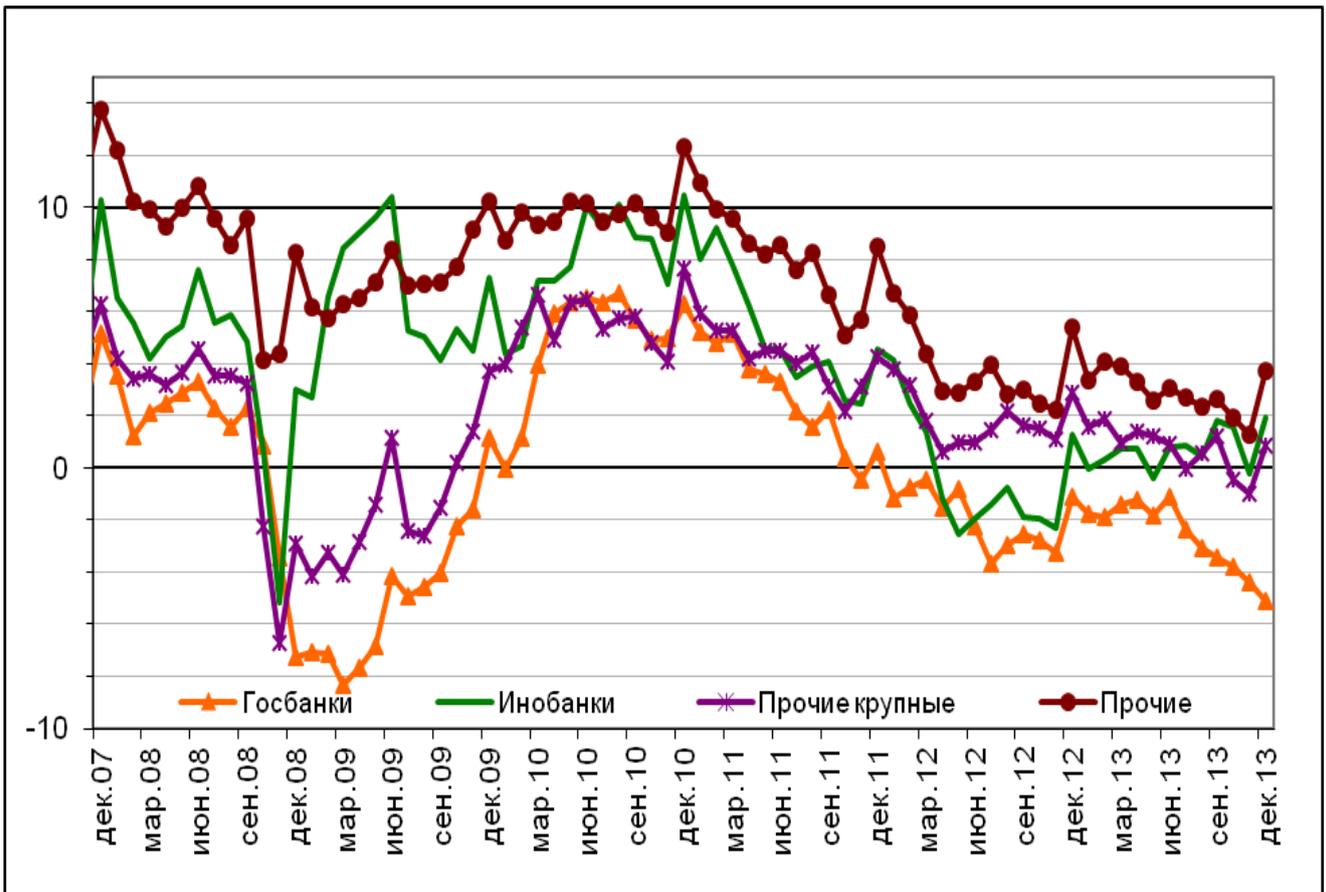
График. Отношение ликвидных активов к совокупным активам по группам банков, %

Источник: ЦБ РФ, расчеты ИЭП

И, собственно говоря, если мы посмотрим теперь не просто на ликвидность, а на собственную ликвидность, потому что ликвидные активы могут состоять еще и из кредитов Центрального банка, то мы увидим, что госбанки – они в состоянии отрицательной собственной ликвидности находятся уже достаточно давно. Собственно говоря, проблемы с банковской ликвидностью начались осенью 2011 года и с тех пор они только нарастают, и вы видите, что уже к концу 2013 года в область отрицательной ликвидности перешли уже и крупные и средние банки.

График. Отношение ликвидных активов за вычетом кредитов Банка России к совокупным активам по группам банков, %

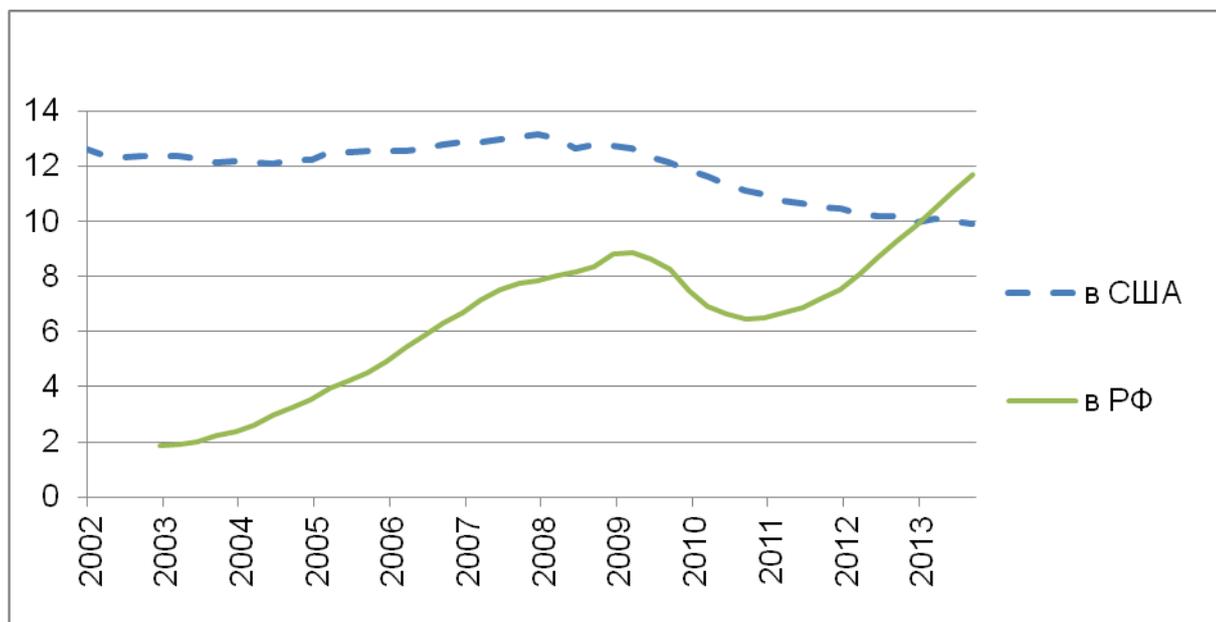
Источник: ЦБ РФ, расчеты ИЭП

Вот поэтому, собственно говоря, в рамках складывающегося сценария развития национальной банковской системы может «упасть» практически любой банк, когда потребность и зависимость от Центрального банка в ликвидности так высока.

Одновременно, если мы говорим о текущих проблемах национальной банковской системы, то первоочередная – это задолженность населения перед банками. Многие аналитики часто совершают ошибку, когда просто соотносят задолженность населения перед банками к ВВП и сравнивают данный показатель с различными странами. Очевидно, что данный показатель находится на низком уровне, однако есть еще и два других важных параметра долга – его дюрация и стоимость. Средний срок долга (дюрация) российского населения перед банками чуть менее трех лет, задолженности, а средняя стоимость долга – 18,1% на начало 2014 года. В целом долг очень «короткий» по срокам и дорогой по стоимости по сравнению со многими странами.

К чему это приводит? К тому, что по такому показателю, как затраты на обслуживание долга домашних хозяйств к их располагаемому доходу в 2013 году мы уже обогнали Америку. 11% в США против 13% в РФ. При этом долг домашних хозяйств – 85% ВВП, у нас – 16. То есть понятно, что у нас крайне дорогой долг и крайне короткий.

График. Обслуживание долга домашних хозяйств в России и США, в % к располагаемым доходам.

Источник: ФРС США, ЦБ РФ

И, собственно говоря, вот эти 10,5 триллионов рублей задолженности населения РФ перед национальной банковской системой - это, на мой взгляд, некая такая взрывоопасная огромная масса, которая грозит национальной экономике кризисом «плохих долгов», и, я не исключаю, что и в 2014 г.

Более того, в 2014 г. и макроэкономический эффект потребительского кредитования пропадет. Дело в том, что уже в 2013 г., как мы посчитали, население заплатило только процентов по кредитам 1,27 триллионов рублей. То есть взнос потребительского кредитования в расширение внутреннего спроса (и конечного потребления) был где-то на уровне 1%. И понятно, что макроэкономический эффект от потребительского кредитования сведется на нет в точке, когда стоимость долга сравнивается с темпами роста этого долга. То есть на сегодня это означает, что 18% стоимости долга и аналогичные темпы его прироста являются той точкой, когда макроэкономический эффект потребительского кредитования будет сведен к нулю и задолженность по потребительскому кредитованию станет уже пирамидой, которая составит 11 триллионов рубле и более, и будет работать просто сама на себя.

Есть позитивные и негативные последствия «оздоровления» национальной банковской системы. Позитивные – необходимо сделать прозрачную и транспарентную национальную банковскую систему, работающую на экономический рост в целом. Однако понятно, что от такой процедуры выигрывают банки с госучастием, а физические и юридические лица уменьшат доверие к банковской системе в целом. Также понятно, что рост концентрации в банковском секторе может закономерно приводить к снижению конкуренции. Я думаю, это иллюзия, что сегодняшняя конкуренция между ВТБ и Сбербанком будет поддерживать процентные ставки и качество банковских услуг в нужном качестве.

Потом, решение финансовых проблем у банков за счет государства создает негативные стимулы у владельцев и менеджеров мелких и средних банков, и постоянно мы слышим эти прецеденты о том, что перед банкротством осуществляется вывод активов.

Точно так же, как если возникают проблемы уже у крупных банков или отзывается лицензия, то встает – и я думаю, что, наверно, к этому вопросу уже придется скоро вернуться, – встает проблема о капитализации АСВ, потому что, конечно, денег на всех не хватает.

Естественно, здесь возможны взаимные регулярные информационные атаки в рамках недобросовестной конкуренции между банками.

Ну и, конечно же, еще одно из последствий – это то, что это все крайне отрицательно влияет и на межбанковский рынок, потому что, конечно, в условиях тотального недоверия и страха между банкирами рынок межбанковских кредитов сжимается.

Мы провели оценки влияния возможных изменений требований к минимальному капиталу на количество действующих кредитных организаций. И, собственно говоря, вот из этой таблицы видно, что если у нас минимальный уставный капитал составляет 180 млн. руб. (а для вновь созданных организаций уже 300 миллионов), то если мы сделаем минимальный уставной капитал в 5 миллиардов, то останется уже 282 банка. А если останутся все, то для капитализации банковской системы нам понадобится уже более трех триллионов рублей.

Оценка влияния изменений требований к минимальному капиталу на количество действующих кредитных организаций по состоянию на 1 января 2014 г.

Размер минимального капитала кредитной организации	300 млн	1 млрд	3 млрд	5 млрд
Количество кредитных организаций, с капиталом ниже минимального	237	553	726	785
Потребность в докапитализации, млрд руб.	26	343	1681	3203
Потенциальное уменьшение количества кредитных организаций	87	343	560	641
Потенциальное количество действующих кредитных организаций, при сохранении общего объема капитала	836	580	363	282

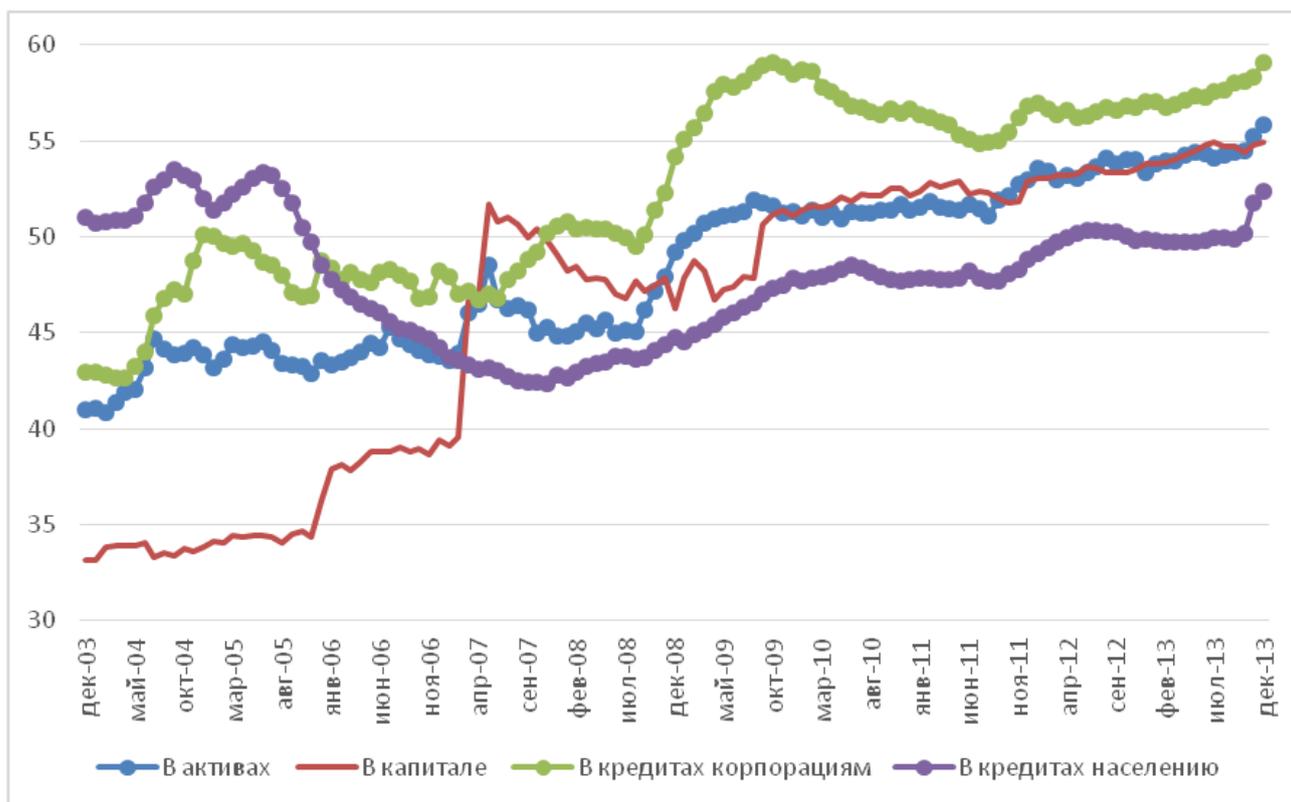
Источник: расчеты ЦСИ ИЭП

Такая мера, как повышение уставного капитала (а я по-прежнему считаю, что это надо делать, и делать желательно в ближайшее время) выступает более действенной мерой, нежели просто отзыв лицензий. Есть ряд позитивных вещей в повышении уставного капитала. Прежде всего, это снижается стоимость заемных ресурсов для экономики благодаря эффекту масштаба на стоимости фондирования. Далее, российские банки приобретают международный масштаб; повышается эффективность распределения финансовых ресурсов между секторами, а также упрощается банковское регулирование и надзор, сокращаются расходы на надзор в силу просто снижения количества банков.

Однако сохраняются и отрицательные стороны – это, естественно, снижение конкуренции, возможность дестабилизации на региональных рынках в случае финансовой нестабильности, потому что в данном случае крупные банки гораздо легче жертвуют региональными филиалами, нежели создают проблемы внутри центрального офиса. Ну, и стандартная ситуация, которая обсуждается сегодня повсеместно в мире - это too big to fail (слишком большой банк, чтобы его обанкротить), естественно, что это ведет к неадекватному управлению рисками в рамках отдельного крупного банка.

Еще одна проблема в российской банковской системе – возрастающая роль государства. Вообще одним из последствий кризиса 2008-2009 годов стало усиление роли государства; государство усиливается и в банковском секторе, и в реальном секторе. И в банковском секторе, в принципе, это как бы выглядит логично, но необходимо учитывать, что для этого действовали тенденции в течение последних 15 лет. Во-первых, это наследие Советского Союза, то есть все филиалы Сберегательного банка – они остались у государства, а с увеличением госкомпаний и усилением роли государства в реальном секторе, естественно, все компании с госучастием обслуживаются в государственных банках, и, естественно, используются административная поддержка. Поэтому мы можем видеть, что доля государственных банков на отдельных сегментах банковского рынка, и в активах, в капитале, кредиты корпорациям, кредиты населению – везде мы видим тенденцию к росту доли госбанков в банковской системе.

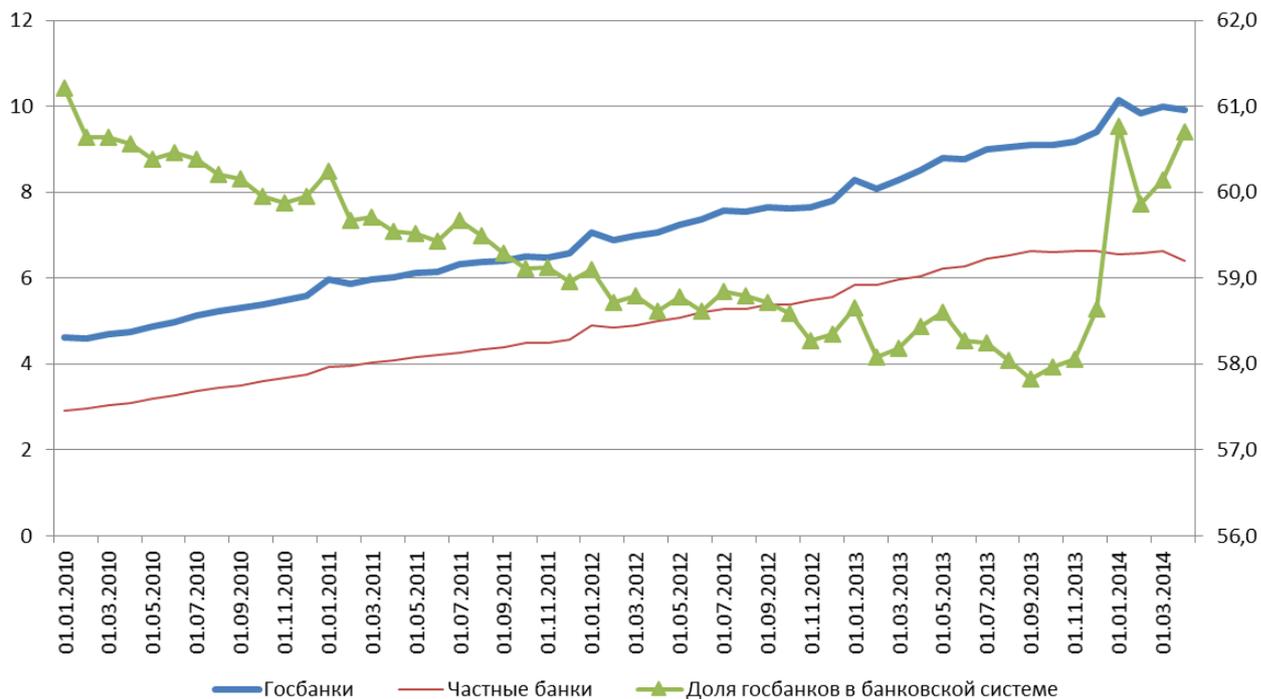
Доля государственных банков на отдельных сегментах банковского рынка.

Источник: ЦБ РФ, расчеты ЦСИ ИЭП

Аналогичная ситуация и с депозитами населения, а ноябрь-декабрь – это вот зеленая такая линия, вы видите, просто она подскочила, потому что, конечно же, это тенденция ухода населения, перевода депозитов в госбанки.

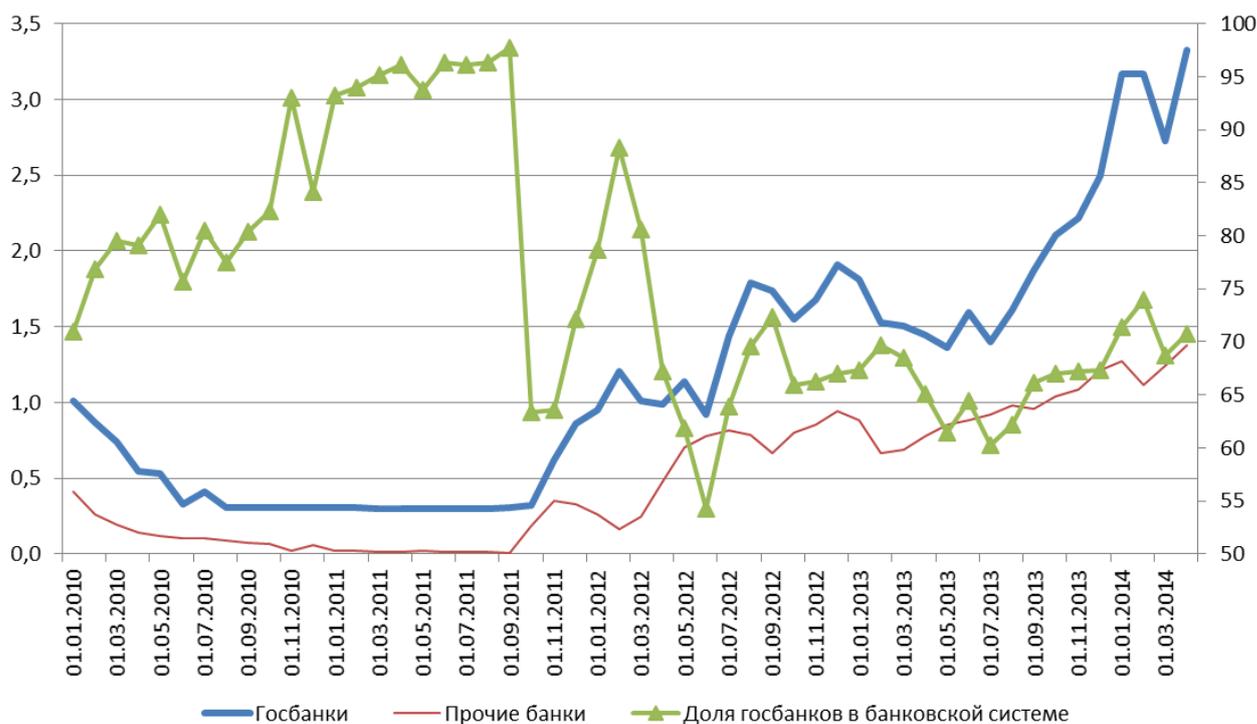
Депозиты населения (трлн. руб., левая шкала) и доля государственных банков в кредитах ЦБ РФ (в %, правая шкала).

Источник: ЦБ РФ, расчеты ЦСИ ИЭП

График ниже тоже достаточно важный. Видно, что основная помощь Центрального банка, рефинансирование, находится у госбанков. И фактически доля госбанков практически не снижается – 70% всех централизованных кредитов направляется пяти госбанкам. И, собственно говоря, они и получают практически всё рефинансирование.

Кредиты ЦБ РФ (трлн. руб., левая шкала) и доля государственных банков в кредитах ЦБ РФ (в %, правая шкала).

Источник: ЦБ РФ, расчеты ЦСИ ИЭП

То есть, собственно говоря, что мы имеем? Мы имеем крайне сегментированную банковскую систему, в каждом сегменте совершенно различные требования к ликвидности, и ликвидности этой не хватает. Мы имеем доминирование госбанков и в депозитах населения, и в рефинансировании. И мы имеем, конечно, недокапитализированную банковскую систему.

Поэтому, на мой взгляд, стратегия Центрального банка – она должна быть продумана. Все-таки мы делаем банковскую систему, состоящую только из госбанков, или будут присутствовать частные и иностранные банки, с иностранным капиталом? Каким образом будет осуществляться банковская конкуренция, и, собственно говоря, каким образом мы будем повышать качество контроля за рисками, качество банковских услуг и конкуренцию? Что, в общем, также важно, потому что, я еще раз повторю, мы не успеем глазом моргнуть, как очутимся близко к монопольной ситуации на банковском рынке, и уже проблема конкуренции будет стоять крайне остро.

На этом я, наверно, закончу. Спасибо большое за внимание.

Аузан. Спасибо. Тогда, Олег Геннадьевич, два Ваших вопроса. Прошу! Сразу два.

Солнцев. Алексей Леонидович, спасибо за чрезвычайно интересный доклад и новые оценки, но вот хотел бы задать вопрос по двум таким реперным точкам доклада, одним из таких вот важных утверждений. Относительно значимости повышения требований к минимальному уровню собственного капитала банков. Можете ли Вы назвать какие-то Ваши оценки, рекомендации по оптимальному уровню, и как это повышение до оптимального уровня скажется на решении тех проблем, ради которых это осуществляется? То есть на проблемах с недобросовестной деятельностью, на проблемах с рискованной кредитной политикой и, так понимаю, что недостаточной кредитной активностью. Это первый вопрос. По очереди?

Аузан. Нет-нет, сразу второй давайте.

Солнцев. А второй вопрос – касающийся, собственно говоря, ситуации с госбанками. То есть понятно, что их доля растет; отчасти этот процесс, по всей

видимости, не так прост, и за ним стоит какая-то объективная причина, а именно, скажем так, большая защищенность госбанков по ресурсам, большее доверие вкладчиков к госбанкам, как следствие – большая устойчивость ресурсной базы и более дешевая ресурсная база, а с другой стороны – еще меньшая склонность госбанков в целом принимать на себя кредитные риски.

Аузан. Олег Геннадьевич, вопрос все-таки, пожалуйста.

Солнцев. Да. Так вот, как в такой ситуации снижать эту долю? Как обойти эти ограничения?

Аузан. Спасибо.

Ведев. Я, конечно, согласен, Олег Геннадьевич, с тем, что повышение уставного капитала – это не панацея от всех бед. Но вот один из принципов бэнкинга – это капитал против рисков. То есть во всех случаях повышать уставный капитал есть смысл.

Наши оценки: начинать надо – один, три и пять миллиардов рублей, примерно так вот, с 2015, 2016, 2017 гг. И поэтому мы и подготовили ту таблицу хотя бы с требованием докапитализации, с требованием капитализации и с количеством банков, которые при этом останутся.

С госбанками – на мой взгляд, их необходимо приватизировать, не сразу, а постепенно. И, может быть, возможно, с точки зрения антимонопольной – это ограничение доли рынка количественное. Скажем, не более 50% определенного сегмента рынка, хотя данный вопрос надо исследовать, потому что в каких-то местах просто нет отделений банка, и кончая тем, что создается искусственная псевдоконкуренция между микрофинансовыми организациями в малых городах и банками. Ну, это отдельный вопрос, но я думаю, что какое-то искусственное ограничение доли рынка, мне кажется, тоже могло бы как-то сработать. Спасибо.

Аузан. Спасибо! Итак, Олег Геннадьевич, Ваша презентация. Прошу Вас!

Солнцев. Спасибо за возможность в очередной раз выступить на этом диспуте. Ну, и за верность традициям, потому что вот уже, по-моему, в четвертый раз мы с Алексеем Леонидовичем сходимся вот в таком «поединке», но, в общем, достаточно дружеском. Надеюсь, что и вы к этому привыкли уже, и надеюсь, что не будем разочаровывать вас и в дальнейшем.

А сейчас – собственно говоря, по проблемам ситуации с рисками в банковской системе и с возможными идеями относительно того, как с этими рисками бороться.

Скажем так, диспут – должен быть какой-то ключевой вопрос для обсуждения. В качестве ключевого вопроса для обсуждения я предлагаю сформулировать такой – какова желаемая скорость очищения банковской системы, и что нужно сделать, для того чтобы эта очистка не превратилась в зачистку? Ну, а теперь немного о ситуации.

Собственно говоря, это график, который был на заголовке к материалу. Это, можно сказать, квинтэссенция квинтэссенций, то есть это наша оценка уровня системных рисков. Это такой некий условный показатель – не буду вдаваться в подробности. Он измеряет... Ну, как бы рискомер. Собственно говоря, уровень близости банковской системы к системному кризису, определяемому по Demirguc-Kunt и Detragiache – я не буду вдаваться в подробности, там есть некое определение. И превышение вот этой пунктирной линии означает, что в течение последующего года этот самый системный кризис и должен произойти. Ну вот мы видим, что уже превышен этот уровень, и индикатор продолжает расти. Собственно говоря, из этого следует оценка, что уровень рисков, строго говоря, превышает, вероятность рисков, или там шансы возникновения такого кризиса – они превышают 50%.

Немного о содержательной стороне вопроса. Основной драйвер – кредитные риски. Причем системные кредитные риски, под которыми имеется в виду опасность возникновения «закольцовки»: рост плохого долга, снижение достаточности капитала банков, сокращение предложений кредитов, очередной рост плохого долга у тех заемщиков, которые зависят от привлечения новых кредитов, новое сокращение

достаточности капитала, и возможны там побочные эффекты в виде банковской паники из-за проблем с платежеспособностью у отдельных банков.

Ну, собственно говоря, ситуация примерно так и развивается. То есть мы видим устойчивый рост абсолютного объема просроченного долга. Если мы возьмем годовые темпы, то видим, что эти темпы ускоряются. То есть не просто рост, а рост еще и с ускорением.

Видим некие запредельные уровни долговой нагрузки на доходы населения. И мы видим, что отношение долгов к доходам населения, платежей по долгу превысило уже предкризисный максимум и продолжает расти.

При этом защищенность банков к возможному ухудшению качества кредитного портфеля – она, мягко говоря, невысока. Здесь вот большой верхний темно-синий график – это средний по банковской системе уровень достаточности капитала. Он находится на минимальных уровнях не только по отношению к предшествующему минимуму, который был перед кризисом 2008-2009 года, но и, скажем так, 1998 года. С 1997, если продлить назад, то, в общем, видно, что за длительный период это абсолютный исторический минимум. То есть банки практически не располагают подушкой безопасности, которая может их защитить в случае, если долг упадет, качество долга и качество активов упадет, падает и дальше.

И при этом банки не располагают достаточным объемом прибыли, за счет которой они могли бы нарастить уровень собственной капитализации. Нижние графики – это уровень прибыльности к активам. После формирования резервов. Видно, что он падает и в целом находится на достаточно низком уровне.

Следующий слайд – здесь такой сложный, непонятный рисунок. Я думаю, что мало кому что видно, но вкратце – это, опять же, некое обобщение ситуации с устойчивостью банковской системы. По одной оси отложено – уровень ликвидности, измеряемый как ликвидные активы к обязательствам банка, по другой оси отложена защищенность банков к шокам по активам, измеряемая средней достаточностью капитала, и по третьей оси отложена способность наращивать капитал и в целом привлекательность банков для инвесторов, которая измеряется уровнем прибыльности на капитал. Вот если проследить эту эволюцию за разные годы, можно наблюдать, что сейчас банковская система находится в наихудшей, наверно, точке по всем трем показателям. Ну, или, скажем так, по отдельным показателям, таким как, например, достаточность... Прибыльность активов, может быть, не самая худшая, но, тем не менее, весьма низкая.

Это говорит о том, что ситуация, на самом деле, не только ситуационно плохая, но и стратегически плохая. Мы имеем ситуацию, когда банки не могут существенно повысить свою ликвидность, например, просто сократив кредитование или сократив какие-то рабочие активы, не уронив прибыльность еще ниже того уровня, когда они будут привлекательны для инвестора. Банки не могут существенно повысить достаточность капитала за счет сокращения объема операций, не уронив, опять же, уровень прибыльности. Ну, и так далее. В общем, ситуация, похожая на некий стратегический пат, которая, на самом деле, говорит о том, что требуются структурные изменения. Требуется просто изменение структуры рынка, которое позволит банкам либо быть устойчивыми даже в условиях таких исторически низких уровней всех этих показателей, либо существенно повысить эти показатели.

Теперь следующий блок связанный с микроэкономическим аспектом. Это был такой как бы макровзгляд, а теперь – микровзгляд. То есть наряду с проблемами, связанными с устойчивостью на макроуровне, мы имеем проблемы, связанные с устойчивостью на микроуровне, и которые разделяются – ну, условно говоря, я бы разделил на три группы по тем мотивам, по которым Банк России отзывает лицензии. Здесь, на этом слайде, показана история отзыва лицензий за последние где-то три квартала, то есть с момента смены руководства в Банке России, и вот в правой колонке –

мотивы отзыва лицензий. Да, здесь исключены случаи, когда отзывы лицензий происходили на добровольной основе.

Вот видно, что там примерно три большие группы причин, по мощности примерно равные. При этом нередко они «перекрываются» - много случаев, когда сработала не одна, а две группы причин. Первая группа - это причины, связанные с операциями сомнительного характера по кредитованию и поддержанию аффилированного бизнеса, связанные с искажением отчетности, и как следствие – недостаточным уровнем реальной обеспеченности банков капиталом. Вторая группа – это причины, связанные с отмыванием денег и обслуживанием теневого оборота – то, что подпадает под действие соответствующего закона. Третья группа - ситуации, связанные с чисто хозяйственными рисками, с потерей устойчивости банков из-за проблем в «белой» части их бизнеса.

Число отзывов лицензий, которые осуществил Банк России за последние три квартала, не критичен с точки зрения устойчивости банковской системы в целом. Это порядка примерно 5% банков.

Но это надводная часть айсберга, которая была высвечена благодаря действиям ЦБ. А хочется понять, какова подводная часть айсберга, которая может быть затронута в случае дальнейшего ужесточения подхода к банковскому контролю и надзору.

Я не буду пытаться решить задачу по оценке истинной величины первой группы банков, занимающейся активным отмыванием денег. Открытой информации для этого критически недостаточно.

Но попробую оценить масштаб второй группы, которая попадает в зону риска из-за систематического искажения отчетности, связанного, как правило, с тайным субсидированием небанковского бизнеса аффилированных с банком лиц.

Вот здесь, на этом графике, показана некая аномалия в распределении банков с точки зрения двух показателей. А именно: темпов роста собственного капитала банков и прибыльности банков. Но прежде чем мы рассмотрим аномалию, давайте определим, что является нормой.

Норма состоит в том, что темп прироста собственного капитала близок к уровню прибыльности собственного капитала. Это группа банков, расположившихся вблизи биссектрисы графика. Почему это норма? Потому что прибыль - это наиболее мощный, основной источник формирования капитала. Потому что чем выше прибыльность банка, тем сильнее мотивы собственников к осуществлению инвестиций в его капитал. На эту группу приходится более 50% всех банков.

Но существует и другая, немалая группа банков, которая не подчиняется этой нормальной экономической логике. Эти банки устойчиво на протяжении многих лет демонстрируют достаточно высокие темпы роста собственного капитала, при этом обладая очень низкой прибыльностью, и даже иногда и вовсе будучи убыточными. При этом собственники как бы за счет взносов в уставный фонд продолжают наращивать капитал этих банков. Что выглядит немножко парадоксально с точки зрения экономического смысла инвестиций и заставляет подозревать собственников в каких-то странных мотивах инвестиций. Заставляет подозревать собственников в «рисовании» инвестиций в капитал, в скрытом выводе инвестированных ими средств из банка в какие-то другие компании.

Эта группа - северо-западный угол графика, отсекаемый вот этими двумя линиями. То, что выше биссектрисы по этим показателям, и то, что левее медианы с точки зрения величины прибыльности капитала.

Вот картинка за 2012 год, и очень похожа на неё картинка за 2013 год.

В эту группу попадает примерно 17% банков, на которые приходится 21% активов банковской системы вне Сбербанка.

Другой способ оценить группу злостных фальсификаторов, грубо искажающих в своей отчетности оценку реального качества кредитного портфеля и реальную величину собственного капитала. Это банки, которые, показывают либо подозрительно низкий

уровень просроченной задолженности, либо отсутствие роста просроченной задолженности в условиях, когда все объективные причины подталкивают к ухудшению качества кредитов. Спасибо Дмитрию Мирошниченко, присутствующему здесь, за эту замечательную идею. Он как-то ее озвучил, по-моему, на одном из диспутов, и вот мы ее реализовали. Мы попробовали оценить, насколько велика группа банков, которая в кризис 2008-2009 гг. на фоне всеобщего ужаса и массового повышения доли просроченных долгов показывала тем не менее улучшение качества кредитного портфеля. Оказалось, что таких банков довольно много – где-то примерно 23%.

Таким образом, один метод дает оценку доли злостных фальсификаторов отчетности в 17% банков, другой – в 23%. Если брать посередине – получается около 20% банковской системы. Это довольно много. Если попробовать отозвать у всех злостных фальсификаторов лицензии, то не обойдется без серьезной банковской паники.

Теперь следующий шаг.

Попробуем оценить ситуацию с устойчивостью отдельных банков, на время абстрагировавшись и от проблемы фальсификации отчетности и от проблемы вовлеченности в отмывание денег. Будем рассматривать ситуацию как если бы существовали только «белые» факторы риска, связанные с ведением добросовестной банковской деятельности.

Для этого мы провели дистанционный стресс-тест банковской системы. Проверили, сколько банков может столкнуться с дефицитом собственного капитала, не смогут выполнить норматив Н1. Это моделировалось для ситуации, когда ничего особо страшного в экономике не произойдет – темп роста в 2014 г. будет всего лишь 1% ВВП. Это, в общем-то, достаточно такой инерционный, я бы сказал, сейчас даже позитивный сценарий, а доля просроченных кредитов, доля проблемных кредитов вырастет всего лишь на 1,2 процентных пункта. Последнее было промоделировано моими коллегами по ЦМАКП как наиболее вероятный уровень увеличения просрочки при таких темпах экономического роста в 2014 году. То есть то, что произойдет не в шоковом, а, скажем так, в наиболее вероятном сценарии развития российской экономики и кредитного рынка.

Мы получили, что банки, у которых возникнет потребность в капитализации за счет государства, в экстренной, – на них приходится примерно треть совокупных активов банковской системы вне Сбербанка. Причем в основном – это системообразующие банки, то есть банки, входящие в топ-100 либо по величине активов, либо по вкладам населения.

Таким образом, в общем-то, уязвимость достаточно высокая. Другое дело, что средства, которые потребуются на их поддержку, не очень высокие, там они оцениваются где-то в 330 миллиардов рублей, что, в общем-то, вполне посильная сумма, и где-то примерно раза в три ниже той суммы, которая была в прошлый кризис.

Но тем не менее, достаточно значимо, и что самое печальное – там много системообразующих банков, которые too big to fail и которые, по всей видимости, так или иначе придется поддерживать.

Теперь перехожу к вопросу о том, с какой скоростью нужно проводить изменения и что нужно сделать, для того чтобы очистка банковской системы не перешла в зачистку.

Вот этот беглый анализ показывает, что ситуация с кризисом назрела, и он в какой-то мере почти... Ну не то чтобы неизбежен, но очень высоко вероятен. Результаты стресс-теста показывают, что доля банков в зоне риска очень высока, и крупных банков много. Среди них не только те, которые заигрались с кредитами населению, но и банки, в значительной мере позиционированные на корпоративное кредитование. И здесь, по всей видимости, потребуются какие-то дополнительные инструменты – о них говорил, например, Минэкономразвития, Андрей Николаевич Клепач, по докапитализации банков в случае возникновения шока. И это является в данном случае первой задачей.

И вот уже после того как пройдет шок, возникнет вопрос, что же все-таки делать с банками, которые прячут реальное качество кредитов и капитала..

Аузан. И на этом самом интересном вопросе... Одна фраза, хорошо.

Солнцев. Хорошо. Сбили...

На самом деле, с этими банками тот градус ужесточения, который взял сейчас ЦБ, ни в коем случае не следует повышать. То есть отзыв 5% банковских лицензий в год – это рынок может вынести. Но 20% - а это, как мы установили, примерное число откровенных фальсификаторов - такую скорость очистки не удастся перенести без полномасштабной паники.

Аузан. Спасибо большое. Итак, два вопроса Алексея Леонидовича.

Гурвич. В виде вопроса, Вас просим.

Ведев. Спасибо. Первый вопрос такой, на мой взгляд, один из самых злободневных. Олег Геннадьевич, вот централизованные кредиты – они вообще еще насколько могут расти? То есть они года до 2016 должны программно расти, и на начало этого года уже 8% пассивов составляют. То есть Ваши оценки.

Второй вопрос – у вас СОИ ваш, он так равномерно растет в последние полтора-два года. На мой взгляд, это просто методология счета такая, потому что у нас каждый декабрь традиционно заливают деньгами, как бы немножко становится получше, а у вас вот равномерно. И перед заливкой деньгами, по нашим оценкам, ситуация даже с ликвидностью хуже, чем в 2008 году. Вот здесь прокомментируйте, пожалуйста. Спасибо.

Солнцев. По поводу кредитов со стороны Центрального банка. Я согласен с тем, что ситуация дошла до точки насыщения, и, по всей видимости, придется так или иначе подтормаживать, и дальше повышать зависимость банковской системы от кредитования со стороны ЦБ, наверно, нельзя. Скажем так, это создает неоправданные... Ну, скажем так, эффект морального риска, то есть стимулирование, по существу, где-то безответственного поведения банков, поскольку Центральному банку действительно трудно мониторить кредитные риски.

То есть нынешний уровень, скорее, является достаточным, и дальше, наверно, расти не стоит. Но возникает вопрос, что же делать дальше. Ведь действительно есть вот эта пресловутая кредитная яма, о которой говорит Алексей Леонидович.

И, на мой взгляд, выход состоит в том, что в данном случае просто должно произойти, с одной стороны, снижение темпов роста кредитного портфеля совокупного, но за счет кредитов населению, и я думаю, что фактически это произойдет, скорее всего, по результатам ожидаемого кризиса естественным путем. Важно только, чтобы это снижение не переросло в снижение доли корпоративного кредитного портфеля, которая как раз недостаточна.

Вот перебалансировка структуры кредитного портфеля за счет сокращения доли кредитов населению и за счет, скажем так, частично покрывающего эту долю, но не полностью, роста доли корпоративного кредитного портфеля – это вот то, что нужно.

А с другой стороны, как мне кажется, есть шансы для того, чтобы в результате кризиса активизировался, как ни странно, по результатам кризиса рост доли депозитов в ресурсной базе российских банков, которые заместили бы собой бы эти кредиты от ЦБ.

Почему это должно произойти? Вернее, так – почему это может произойти? Это, опять-таки, не предопределено, и во многом будет определяться тем, как в момент шока, в момент кризиса поведет себя Центральный банк.

Это, скажем так, обычно - после такого шока возникает скачок уровня процентных ставок, что создает некую привлекательность депозитов для населения. Во-вторых, у населения возникает, усиливается мотив предосторожности, то есть они становятся, население становится менее уверенным в своих будущих доходах и, как следствие, снижает склонность к потреблению и увеличивает склонность к накоплению. Вот это и есть такая некая естественная фора, которую может получить банковский сектор.

Но в дальнейшем удержание этой форы – оно уже становится вопросом политики во многом. И здесь важна возможность банковского сектора привлечь уже не столько средства населения, сколько средства предприятий. На более длительном периоде население не сможет заместить вот этот провал. А средства предприятий тесно

коррелируют, собственно говоря, с вопросом сокращения оттока капитала. Потому что это во многом является альтернативой размещения средств на внутреннем рынке. А вопрос сокращения оттока капитала – это во многом, опять же таки, вопрос, на мой взгляд, курсовой политики.

И, скажем так, здесь ключом к разрешению вот этого вопроса является быстрое и достаточно уверенное достижение нового уровня сбалансированности рубля, и после этого переход к его укреплению. Это означает, что, скажем так, те проблемы, которые мы сейчас наблюдаем на валютном рынке – их лучше скорректировать достаточно серьезной, прямо скажем, девальвацией и последующей ревальвацией, чем попыткой отложить этот момент на будущее.

Аузан. Спасибо. Итак, мы переходим ко второй фазе – к вопросам участникам диспута. Пожалуйста! Представляйтесь. Мы накапливаем вопросы, как обычно. И кому вопрос.

Поморина. Наверное, Олегу. Вопрос такой: когда Вы говорили о том, что банки скрывают кредиты аффилированным лицам, а по сути кредиты аффилированным лицам и есть тот самый вывод капитала, о котором мы говорим, да? Вот не замечали ли Вы в отчетности банков в последнее время (я лично замечала) такой факт, что раньше эти признаки аффилированности и вывода капитала были в корпоративных портфелях, то есть сначала все аналитики знали, что...

Аузан. Мы сейчас только вопросы.

Поморина. Да-да-да. Что это были учтенные векселя, потом обесценение показывали корпоративные портфели, а вот на сегодняшний день в большинстве банков я вижу, что доходность корпоративных – учтенных векселей нет, доходность корпоративных портфелей нормальная, что можно связать с эффективностью введения в 254-П понятия предприятия, ведущего реальную деятельность, но при этом 50-процентное обесценение показывают кредиты физическим лицам. Не считаете ли Вы, что на сегодня часть операций с физическими лицами – это не просто перекредитованность какого-то реального населения, а это просто новая схема?. Может быть, именно в этом риски, они и растут поэтому так быстро?

Горлов(?). У меня вопрос к Алексею. Горлов(?), Институт экономики. У меня вопрос – вот здесь как-то обошлось, то есть никто не упоминал все-таки про ситуацию внешнюю, обострения внешнего положения России. И как это скажется на банковской системе в двух вариантах: вот всё, как есть сейчас, когда затронут прямо Банк России, скажем, и как это может сказаться, если санкции будут осуществлены, и насколько это будет существенно? Смотрели ли вы, есть ли у вас данные? И в связи с этим вопрос – а банки с иностранным капиталом, они в этом случае, может быть, окажутся в лучшем положении?

Мирошниченко. Дмитрий Мирошниченко, Центр развития. Два вопроса Олегу. Первый – по поводу последнего предложения резко девальвировать рубль, а потом его ревальвировать. А как в таком случае быть с инфляцией, которую сейчас у нас ЦБ таргетирует? Это первый вопрос. А второй вопрос – Олег, а если банки недокапитализировать, то что будет? Ну, просто как бы признать вот этот факт, да? Ну снизилась достаточность капитала – ну просто снизить норматив там до шести. То есть не десять, а пусть будет шесть. Что изменится принципиально?

Хромов. Михаил Хромов, Институт Гайдара. Вопрос к Олегу. Два вопроса, точнее. Коротких. С точки зрения перебалансировки кредитных портфелей насколько, может быть, более эффективно было бы не снижать, не замедлять темпы роста розничного портфеля либо добиться того, чтобы улучшились параметры с точки зрения ставок и срочности – имело бы ли это тот же эффект или не имело бы?

И второй вопрос – рост доли, рост депозитов физических лиц, который ожидается после кризисных явлений, чем он должен быть простимулирован? В 2008 году он явно

был простимулирован увеличением минимальной застрахованной суммы депозитов до 700 тысяч. Сейчас как бы не торопятся с этим. Насколько тут возможны варианты?

Юдина. У меня такой вопрос. Тамара Николаевна Юдина, кафедра экономики инноваций, экономфак. К обоим докладчикам вопрос такой: скажите, пожалуйста, а каковы, по-вашему, теневые банковские структуры? Теневые банковские структуры и их роль вот в этой непростой ситуации банковской системы. Теневые банковские структуры.

Ведев. Вы имеете в виду теневой банкинг, то есть микрофинансовые организации *?

Юдина. Да.

Винокур. Сергей Винокур, журнал «Вопросы экономики». У меня один вопрос к Олегу Солнцеву. Недавно, если не ошибаюсь, Дмитрий Анатольевич Медведев в одном из своих выступлений сослался на стресс-тесты Центрального банка, согласно которым российская банковская система крепка как никогда и способна выдержать серьезный удар и снижение цен на нефть. Как Вы это прокомментируете? Ваши стресс-тесты серьезно отличаются от того, что декларирует ЦБ.

И второй вопрос – к обоим докладчикам. Как вы оцените последствия для российской банковской системы присоединения Крыма? Это открывает новые возможности или создает дополнительную нагрузку?

Алябьева. Здравствуйте! Екатерина Алябьева, Slon.ru. Два вопроса. Первый – к Алексею Леонидовичу. Вы сказали, что рентабельность в банковском секторе по итогам 2013 года – 16,7, но мы ведь знаем, что это одна из самых высоких рентабельностей вообще по сравнению с другими секторами экономики, если даже не лидирующая. Неужели это мало? И, может быть, все дело в том, что как раз активы сосредоточены, и доступ к рефинансированию есть в основном только у крупных госбанков, и все?

И второй вопрос, возможно, к обоим докладчикам. Ксения Юдаева на конференции в Высшей школе экономики упомянула, что она считает сейчас главной проблемой сектора то, что у банков стремительно заканчиваются залоговые, и даже беззалоговые аукционы тоже не помогают, потому что девальвация и вливания за счет рефинансирования приводят к тому, что активы кончаются слишком быстро. Согласны ли вы с этим?

Митяев. Митяев, СОПС. У меня вопрос макроэкономический. Наверно, к Алексею Леонидовичу, прежде всего. Я так понял, что нужен мощный источник докапитализации банковской системы. У государства денег нет, у бизнеса – у некоторого, может быть, и есть, но они там не для этого; у населения - кредитная ловушка. С другой стороны, был результат мягкого стресс-теста – падение темпов роста до 1% уже приводит к большим проблемам, а жесткий стресс-тест, в той или иной форме, частичное или полное отключение от внешней финансовой системы – делался ли он? Во-первых. И второе – уже сам вопрос я формулирую, макроэкономический. Вообще-то есть ли в принципе решение вот этой порядковой недоразмерности российской банковской системы по отношению к российской экономике? Когда мы вынуждены занимать сотни миллиардов долларов у мировой финансовой системы.

И второй вопрос – ну это, наверно, тогда Олегу Геннадьевичу. Микроэкономический. Вообще где есть для кого бы то ни было стимулы инвестировать в этот высокорисковый и низкорентабельный бизнес, непонятный, непрозрачный (банковский, я имею в виду), и вообще как в таких условиях – но это к Алексею Леонидовичу, – как в таких условиях вообще можно в разы повышать, за счет чего, за счет кого минимальный уставной капитал?

И последний вопрос, если можно, шуточный – не шуточный, но тем не менее. Если, может быть, есть некий «сценарий мечты» для российской банковской системы сейчас, как Минэкономразвития представил в правительство, что можно, оказывается, и на 7% роста в год выйти, и указы президента выполнить, если там увеличить, все фонды за год проесть и, значит, соответственно, увеличить инвестиции в разы, да?

Уклеин. Иван Уклеин, магистр экономического факультета, по совместительству – эксперт одного из ведущих рейтинговых агентств. Вопрос второму докладчику. Скажите, пожалуйста, те методики, которые вы использовали при оценке величины кредитования связанных сторон, то есть аффилированных лиц – они вызывают некоторые сомнения, особенно вторая методика, по просрочке. Я могу сказать, что методика может давать некоторый сбой. В связи с этим вопрос – вы пробовали использовать просто код 8956 135-й формы банковской отчетности, который есть на сайте ЦБ? На самом деле, этот код и отражает величину кредитования связанных сторон. Спасибо.

Рысин. Рысин Валерий Яковлевич. Можно два вопроса? К Олегу Геннадьевичу. Все эти расчеты – они хоть каким-нибудь образом учитывают политические риски? Причем не на уровне каких-нибудь там усредненных экспертных оценок, а на каких-то расчетах, с учетом... И социально-психологические риски, состояние общества, отношение к правительству и т.д. и т.д.

А второй вопрос, коротенький – в дополнение к уже заданному. А как микрокредитные организации, они уже составляют сколько-нибудь существенный фактор в этой жизни, и как они соотносятся с банковской системой? Вообще другие кредитные организации. Вот что там творится? Спасибо.

Аузан. Всё, исчерпали? Исчерпали вопросы. Теперь начинает Олег Геннадьевич.

Солнцев. Много вопросов. Если я что-то забуду – пожалуйста, напомните.

Так, по поводу вывода капитала и аффилированных лиц. Во-первых, я имел в виду вывод капитала другой. Вывод капитала из страны, а не вывод капитала из банков. То есть это терминологически разные вещи. И под выводом капитала из страны я имел в виду не сомнительные операции, а в том числе и открытые, в виде, например, увеличения иностранных активов банка. Поэтому это немножко разные вещи. А что касается вывода капитала именно из банков через физических лиц – нет, вот эту тему мы специально не рассматривали. Да, мне кажется, это какой-то новый тренд, собственно говоря, который – вот нужно посмотреть, насколько банки, у которых отозвали лицензии, проявляли признаки внезапного увеличения кредитного портфеля населению.

Поморина. А это не трудно.

Аузан. Извините, пожалуйста.

Солнцев. В принципе, да, интересная тема, надо исследовать. Но вот по критерию, который раскритиковали, там кредитный портфель, скажем так, сомнительный, он включал в себя и кредиты физических лиц, поэтому там частично учтено, но, конечно, строго говоря, эта схема, конечно, не продумана.

Так, вопрос по поводу того, что делать, если девальвация... Ну, девальвация стимулирует инфляцию – да, это аксиома, это так. А вот оценки показывают, что, как ни странно... Но это некое моделирование, да? То есть некая имитация того, что может быть. Там 100% не поручусь, что это именно так, но вот попытка промоделировать две ситуации: когда, допустим, мы допускаем девальвацию, и курс корректируется достаточно резко в 2014 году, а потом начинает укрепляться, и ситуация, когда мы его искусственно держим, например, там повысив процентные ставки, и как-то... Ну, краткосрочно ставки мало чего сделают, но так, среднесрочно можно немножко стимулировать меньше вкладываться в иностранные активы.

Так вот, вторая ситуация, как ни странно, где-то в перспективе трех лет дает больший уровень инфляции, чем... То есть вначале, да, инфляция в первой ситуации подсакивает. А во второй она как бы чуть поменьше. Она все равно подсакивает из-за проблем с платежным балансом, но ведет себя более спокойно. Но зато она медленнее снижается. А причина именно в том, что в этом случае у нас обменный курс – у него более длительный период ослабления, и там возникает эффект инерционной инфляции, то есть привыкания к постоянному ослаблению курса, и это как бы впитывается в индекс потребительских цен. Поэтому на среднесрочной перспективе первая стратегия, скорее,

более выигрышная. То есть допустить, дойти до уровня, когда будет понятно, что дальше ослаблять некуда, и после этого начать укреплять.

Так, по поводу предложения снизить Н1. Я, наверно, согласен. Это давний такой вопрос: что лучше, позволить рисовать отчетность или честно снизить Н1? На мой взгляд, рисовать отчетность – да, это хуже, конечно. ... На мой взгляд, это в какой-то мере выход, то есть может быть, да, имело бы смысл действительно в случае такого сурового шока хотя бы пункта на два понизить. То есть до 8% минимального требования по Н1, как и рекомендовано Базелем. А вот до 6%, то есть ниже базельских рекомендаций – уже не следует, как-то это уже не очень прилично будет выглядеть.

Так, по поводу темпов роста кредитов, розничного кредитного портфеля. Я в данном случае отвечал на вопрос Алексея Леонидовича, что делать с небалансом между размещенными и привлеченными средствами. Вот, Михаил, твое предложение по поводу удлинить сроки кредитов – я сам горячий сторонник этого предложения, но с точки зрения проблемы с ликвидностью, вот этого разрыва по ликвидности, разрыва по ресурсам это не закрывает. То есть у нас здесь этот вопрос возникает просто из-за объемов. Поэтому это не альтернатива. То есть нужно делать и то, и то.

Так, чем должен быть простимулирован рост депозитов? Да мне кажется, не нужно ничем специально стимулировать. Ну хорошо, допустим, пример с кризисом 2009 года – да, повышен уровень страхования, но я, честно говоря, думаю, что это не играло, то есть это не было единственным фактором. Это, может быть, было значимым фактором, но точно не единственным.

Почему я так думаю? Потому что в предшествующий кризис, когда никакой системы страхования не было, 1998-1999 гг., у населения снова выросла склонность к сбережениям. Ну, не в 1999, в 1999 там еще уровень доходов не позволял, а в 2000 она там уже росла. Просто потому, что население как-то вот чувствовало себя еще не вполне в безопасности. Поэтому я думаю, что, в общем, работает все равно.

Так, а я сейчас сплошняком, или?..

Аузан. Да, сплошняком, да.

Солнцев. Так, хорошо. Так, по поводу теневого банкинга. Я вот не очень понял, что с ним делать, но просто как-то... Теневой банкинг как возможная угроза. Да, широко обсуждаемая угроза, что, собственно говоря, если вдруг мы при помощи регулирования сможем отбить у банков охоту выдавать высокорискованные розничные кредиты под сумасшедшие процентные ставки, то этот бизнес просто уйдет в микрофинансовые организации. И, собственно говоря, сейчас уже уходит. Это, наверно, сообщающиеся сосуды, но просто емкость этих сосудов разная. То есть, скажем так, насколько я понимаю, рискованные кредиты, если мы берем потребкредиты и POS-кредиты, это процентов, наверно, где-то 20 совокупного кредитного портфеля банковской системы.

Если мы возьмем микрофинансовые организации – не помню точно цифры, но мы увидим цифры просто на порядки меньшие. Поэтому быстро этот арбитраж регуляторный не произойдет, поэтому как моментальная угроза, на мой взгляд, здесь особой угрозы нет. То есть – ну да, есть опасность, что эти микрофинансовые организации, в том числе аффилированные с банками, начнут расти быстро, и они уже растут, но весь объем вот этих не очень качественных активов они не смогут принять моментально. Поэтому за это время можно их как-то там попробовать дорегулировать до степени, когда это будет трудновато сделать. Правда, тогда может начать расти уже совсем теневой банкинг в виде просто кредитования там, скажем так, у бандитов, что совсем уже нежелательно, но... Это уже следующий этап. Там нужно будет искать способы борьбы с этим.

Так, соотношение со стресс-тестом. Насколько я помню... Нашего стресс-теста с тем стресс-тестом, на который ссылается Дмитрий Анатольевич Медведев. Это вот вопрос Сергея Юрьевича.

Насколько я помню стресс-тест Банка России прошлогодний – там вполне себе страшные результаты. То есть там в зоне риска, по-моему, 46% активов банковской

системы, но там трактовка не соответствует результатам. То есть там стресс-тест показывает, что у очень большой доли банков могут возникнуть проблемы в случае реализации шокового сценария, но в выводе, который делает Центральный банк в докладе о финансовой стабильности – он парадоксален. Что это на самом деле не проблема. То есть вот цифра – она несоразмерна выводу. Боюсь, что Дмитрий Анатольевич прочитал вывод просто и как-то не очень внимательно ознакомился с цифрами, на которые этот вывод опирается.

Как скажется присоединение Крыма? Не знаю, не просчитывали. Но мне кажется, что с точки зрения масштаба российской банковской системы не такая уж и большая проблема, вполне... Так, интуитивно мне кажется не очень большой, не очень сложной проблемой.

Так, проблема залогов, про которую говорила Ксения Валентиновна. Да, на мой взгляд, такая проблема существует. Она просто находится немножко в другой плоскости. То есть мой доклад в основном строился вокруг кредитных рисков и достаточности капитала. Это проблема скорее обеспечения ликвидности.

Ну да, есть проблема, собственно говоря. Там до предела, собственно говоря, этот коэффициент, коэффициент использования залогов, не дошел. Там, по-моему, процент – где-то около 70% он составляет, это отношение, скажем так, потенциальной залоговой массы уже к задействованной, то есть там до 100% еще есть некий люфт. Но в перспективе, я думаю, он будет меняться при помощи просто изменения формата операций, которые проводит Центральный банк. Так или иначе, я думаю, Центральный банк будет вынужден перейти к другим инструментам денежного предложения, и в частности покупок активов на рынке, что Центральный банк уже как намерение обозначил, правда, очень робко, в «Основных направлениях денежно-кредитной политики». То есть будем покупать активы, просто outright, навсегда, то есть не под залог активы давать, а вот просто покупать их. Вопрос, опять же, где взять эти активы, но там есть некие косвенные эффекты, которые делают эту схему чуть более легкой.

Так, что показывает жесткий стресс-тест? Жесткий стресс-тест показывает, что зона риска там расширяется, но, как ни странно, не очень существенно, то есть уже даже в мягком стресс-тесте она достаточно высока, в жестком – там просто объемы потребности в докапитализации возрастают примерно в два раза. Жесткий стресс-тест – он в такой гипотетической ситуации проводился, где у нас подскакивает доля «плохих долгов» где-то примерно до 11% к концу года, то есть где-то примерно на 5%. Примерно удвоение этой доли «плохих долгов». При этом темпы роста ВВП – минус 3%. То есть так... Ну, мне кажется, что это, конечно, такой, может быть, чрезмерный сценарий, но я бы не сказал, что он прямо совсем там невероятен. Наверно, при каких-то сценариях это можно увидеть, хотя я несколько не утверждаю, что... Это именно как бы такой шоковый, стресс-сценарий.

Так, дальше... А, стимулы. Вот очень важный вопрос, на самом деле, и про который я не успел ответить. Спасибо, что он был задан. Про стимулы собственников вообще вкладываться в банковскую систему в условиях, когда кругом сложности.

Ну, мне кажется, что да, то есть если не проводить каких-то структурных изменений, не, собственно говоря, выращивать эти стимулы искусственно, то в будущем банковскую систему ждет стагнация. То есть вот фиксация – ну, после шока, там шок мы пройдем, там дальше как-то будем жить, но фиксация на тех низких уровнях достаточности капитала, которая сейчас есть, и как следствие – такой мощный тормоз по наращиванию активных операций. Ну, вот кредитов предприятиям в данном случае, которые можно рассмотреть как желательный такой актив для доли, которую в активах хорошо бы увеличить и вообще в целом там заместить численно ими кредиты населению.

И здесь, конечно, требуются какие-то не только меры, скажем так, по созданию каких-то негативных стимулов для собственников банков, отсекающих какие-то схемы, связанные с надуванием капитала, или с отмыванием средств, или с другой

недобросовестной деятельностью, но и позитивные стимулы, которые позволят им увеличивать прибыльность банковского бизнеса. И на мой взгляд, здесь выходом могла бы быть реализация разнообразных программ развития финансового сектора. Часть таких программ уже начали реализовываться и вот-вот, скажем так, активно обсуждаются. Это вот национальная платежная система, о ней говорили. То есть, в принципе, там понятно, что здесь тоже есть риски, и там риски перегибов, там кучу можно назвать возможных, опять же, минусов, но тем не менее это то направление, которое позволит банкам, возможно, создать дополнительный источник дохода, не связанный с принятием на себя кредитных рисков.

Другим направлением может стать развитие института финансовых консультантов, финансового консультирования. Также дополнительный источник доходов. Развитие секьюритизации, которая позволит получать комиссионные доходы от выпуска секьюритизированных активов на рынок. Развитие схем пенсионных фондов через корпоративные пенсионные планы при участии банков. Ну, в общем, вот различные направления, которые позволят банкам освоить другие ниши доходов, не связанные только с кредитным бизнесом или с бизнесом, который требует принятия на баланс рисков, и поддержать, собственно говоря, стимулы к тому, чтобы инвестировать туда.

Так, мне продолжать? У меня еще осталось три вопроса.

Аузан. Продолжайте, продолжайте. Что делать? Это Ваша функция.

Солнцев. «Сценарий мечты». Опять же, замечательный вопрос. Но здесь я вообще рискую уйти в лекцию где-то на полчаса, но попытаюсь, тем не менее, быть сдержанным.

На мой взгляд, что нужно сделать? Ну, если мы рассматриваем не антишок, а вот сценарий развития как таковой.

Во-первых, самое главное направление, первое – добиться все-таки существенного снижения уровня, естественного снижения уровня процентных ставок в экономике. Сейчас ситуация такова, что вне зависимости от политики ЦБ просто само развитие макроэкономики, а именно переход от ситуации, когда у нас был избыток сбережений по отношению к инвестициям, к ситуации дефицита, вот банковская экономика дошла до такого уровня. И если здесь не провести некий существенный маневр...

Аузан. Олег Геннадьевич! Вот мечта – она излагается коротко и ярко. Там первое, второе, третье.

Солнцев. Хорошо. Ну тогда, наверно, первое – вот есть налоговый маневр, здесь речь идет о монетарном маневре. Монетарный маневр состоит в том, чтобы за счет курсовой политики, которую я примерно описал, добиться существенного снижения девальвационных ожиданий, сформировать в комплексе с другими мерами, переломить ситуацию с оттоком капитала и, как следствие, создать некую долгосрочную основу для снижения уровня процентных ставок естественным образом. Это первое направление.

Второе. Программа развития финансового сектора, позволяющая создать стимулы для собственников. Причем не искусственные, а вот такие, длительные. То есть действительно рынки, которые будут работать в будущем, которые будут полезны для потребителей и приносить дополнительный и не облагаемый рисками доход банкам.

И третье – это поддержка, скажем так, корпоративного кредитования, но немножко в другой форме. В форме поддержки рынка долгосрочных корпоративных облигаций.

На мой взгляд, те проблемы, те узкие места в банковской системе, которые мы наблюдаем: и нехватка залоговой массы, и недостаточная ликвидность, – они во многом разруливаются за счет смены преимущественной формы кредитования реального сектора. Переход от роста прямых и двусторонних кредитов к обращаемым инструментам, которые более ликвидны и которые могут использоваться в качестве инструментов залога. И развитие именно этого рынка – оно в какой-то мере расширяет вот это узкое место.

Так, по поводу учета аффилированности. В данном случае мы исходим из того, что аффилированность маскируется, реальная аффилированность маскируется, и требуются

дополнительные, может быть, очень несовершенные меры, инструменты, позволяющие оценить уровень реальной аффилированности.

И учет политических рисков. Нет, политические риски мы не учитываем, как и в целом все наши модели опережающих индикаторов – они не могут учесть факторы форс-мажора, такие как военные риски, смена политического режима, природные катастрофы. И это естественным образом не поддается прогнозированию и поэтому отсекается. И те сценарии, которые мы просчитывали – ну, в данном случае очень трудно сказать, каким образом политический риск трансформируется, например, в динамику ВВП. Здесь могут быть такие, очень прикидочные оценки. То есть они требуют каких-то гипотез относительно каналов воздействия. Ну вот мы задавались некоторыми гипотезами, например относительно возможного уменьшения объема, физического объема экспорта, относительно возможной ситуации проведения Банком России вот той очень жесткой процентной политики, которую он сейчас проводит и которая отчасти является наведенной политическими рисками. И эта жесткая политика, на мой взгляд, мультиплицирует риски. Вот через какие-то такие допущения можно попытаться построить мостики, но они будут недостаточно надежными. Но, собственно говоря, эти мостики у нас и строятся в рамках шокового сценария.

А, еще должен извиниться по поводу вопроса Алексея Леонидовича, на который я не ответил. Относительно того, почему так плавно растет опережающий индикатор. Он растет так плавно, потому что мы снимаем сезонность с тех показателей, которые туда входят. В частности, вот с показателя ликвидности, отношения ликвидных активов. Мы берем очищенный от сезонности ряд. Всё, спасибо.

Аузан. Спасибо, спасибо. Прошу, Алексей Леонидович!

Ведев. Спасибо. Постараюсь кратко, поскольку объективно мне было меньше вопросов.

Я уже последние, наверно, две-три недели все больше и больше времени начинаю тратить на заседаниях, семинарах, круглых столах, связанных с различными санкциями. У меня неоднозначная позиция. С точки зрения вообще расчетов, конечно, санкции я пытаюсь сводить к конкретным параметрам. Например, к девальвации, к оттоку капитала, к снижению импорта. Понимаете, моя позиция – несерьезно обсуждать ситуацию, когда вводятся санкции, и в них там Сбер и ВТБ проигрывают, а банки с иностранным участием выигрывают. Я гарантирую, что банки с иностранным участием не выиграют, они проиграют. Они либо продадут свою долю, либо уйдут, либо еще что-то. Понимаете? Поэтому вот у меня не получается сравнивать, предположим, что санкции вводят, а дальше уже начинается какая-то рыночная игра. Она не будет идти.

Точно так же, как мы пытаемся делать среднесрочные прогнозы, ниже 80 долларов за баррель мы не моделируем. Я не знаю, что будет. Я думаю, что 60 долларов за баррель – это будет другая страна. Это будет другая страна, с другими правилами. У нас сейчас Doing Business соответствует 110-150 долларам за баррель. Ну, и коррупция, и так далее. А когда 60 – у нас и брать не с кого будет, и поэтому все будет по-другому. И уровень конкуренции будет другим.

Поэтому здесь я не могу ответить. То есть совершенно недостаточно информации, для того чтобы какое-то моделирование осуществлять.

Дмитрий Аркадьевич, насчет внутренних ресурсов. Внутренних ресурсов недостаточно. Однозначно. Но у нас сейчас, вот на сегодняшний день, с точки зрения институциональной, корпорации должны 8 триллионов рублей банкам (это кредиты корпорациям минус депозиты корпораций). У нас внутренних инвесторов нет. У нас чистые сбережения населения (за вычетом кредитов) на душу населения – 45 тысяч рублей. То есть мы собираемся Сибирь покорять или реализовывать масштабные инфраструктурные проекты, но у нас заасфальтировать у калитки дорогу – вот на это только и хватит сбережений населения. Поэтому моя позиция – что у нас денег нет и не

будет, и мы как бы обречены. Обречены на внешние деньги. Ну, это чисто институциональный анализ такой.

И с точки зрения Фонда национального благосостояния и Резервного фонда, там тоже у нас минус 230 миллиардов долларов, поскольку внешний частный долг – за него государство отвечает, потому что у нас мелкому и среднему бизнесу на мировых рынках не давали и не будут давать. Это либо компании с госучастием, либо системообразующие предприятия.

Я согласен с Дмитрием, девальвация совершенно неоднозначна, а в 2012-2013 году, на мой взгляд, никто не укреплял рубль, он был абсолютно рыночный и естественный. А девальвация в конце 2013, в начале 2014 – следствие чистого оттока капитала. Поэтому, особенно с учетом того, что у нас пять крупнейших госбанков и пять крупнейших госкомпаний – мне кажется, вот за этим столом можно было бы проблему оттока капитала решить. По моим ощущениям, в январе-марте из иностранных портфельных инвесторов кто хотел уйти, все ушли, и сейчас мне даже странно слушать оценки Минэкономразвития о том, что будет 100 миллиардов. Значит, 50 – вот это, скорее всего, точно не иностранцы. Но девальвация определяется именно этим.

С другой стороны, на кону 200-220 миллиардов долларов – это импорт инвестоборудования и комплектующих. То есть фактически мы обработку сейчас валим. То есть валим там всё: автопром, электронику, бытовую технику и т.д., и причем вот на сумму одних комплектующих 200 миллиардов. Потому что 20% девальвация – это кто себе запишет в убыток? Это либо цена возрастет, либо убыток. То есть это вот выбрать придется. Поэтому здесь я думаю, что вот очень сложная ситуация.

ROE 16.7%. Согласно нашим опросам крупных банков, мелких банков, в ближайшие десять лет никто не ожидает выше 15. В банковском секторе доход на капитал отличается от реального сектора. Он должен быть выше. В Европе много стран, много банков, показывающих ROE до 30%. Собственно, вот плавное снижение этого показателя, плюс, конечно, коррумпированный рынок объясняет полное отсутствие интереса иностранного капитала к российскому банковскому рынку и постоянное сокращение его доли. Я думаю, что это достаточно устойчивый тренд.

Заканчиваются залогов? Олег Геннадьевич, я не знаю, здесь, мне кажется, не проблема. Проблему можно решить различными путями – векселя Сбербанка и ВТБ использовать в качестве залогов, сейчас какую-нибудь новацию придумать, и этим двум крупным там все равно вообще, откуда деньги привлекать, и под их же векселя какое-то рефинансирование выдавать. Мне кажется, проблема не в этом.

По микрофинансовым организациям, в общем, я частично согласен с Олегом, и, в общем, одна из мантр микрофинансовых организаций – «такая услуга есть, она востребована, и не надо заводить ее в тень». С другой стороны, наиболее активность микрофинансовые организации сейчас проявляют в мелких городах и поселках, фактически подменяя собой банковскую систему. Банкам, в принципе, и неинтересно, и невыгодно работать в рамках банковского законодательства; этим прекрасно пользуются микрофинансовые организации, большую, значительную часть которых как раз сами банки и организуют. Однако они работают уже вне контроля ЦБ.

При этом еще одна вещь – это стремление работать в маленьких городах, где все друг друга знают, значит, процент невозврата достаточно низкий, и процентные ставки зашкаливают. Ну, это как раз 2% в день – это деньги до зарплаты, но самое главное – это подмена конкуренции, это подмена банковской деятельности. Я вот категорически против этого; я считаю, что и мегарегулятор просто обязан административно вмешаться, потому что это просто возмутительная ситуация.

Мечта про банковскую систему – банки второстепенны, реальный сектор основной. Ни в одной стране мира больше 8% ВВП финансовый сектор весь (банковские, страховые компании и т.д.) не делает, и вот у меня мечта – чтобы у нас прекратились сценарии форсированного роста, основанные на монетарном стимулировании. И вот даже в

«Стратегии-2020» я как один из слоганов предлагал «черепашка бежит быстрее зайца». И у нас даже первая Концепция долгосрочного развития, которая была принята в 2008 году, вот как раз оно и показало – мы с Евсеем Томовичем даже секцию сделали, что мы, конечно, стремились расти больше 6%, а к 2013 году мы с 2008 и не сдвинулись. И по ряду позиций мы даже еще не вернулись на предкризисный уровень. Поэтому, может быть, все-таки стать реалистом и прекратить вставать с колен и кого-то обгонять, а сбалансированно расти.

Вы знаете, по-моему, я ответил на все вопросы. Спасибо.

Аузан. Спасибо.

Ведев. А как увеличить капитал? Ну, только слияниями и поглощениями.

Аузан. Итак, уважаемые коллеги, у нас 20 минут на высказывания, поэтому, пожалуйста, поднимите руки все, кто хотел бы выступить с репликой.

Гурвич. 15, надо еще последнее слово оставить.

Аузан. А я учел. Одно высказывание? Но 20 минут мы все равно не дадим. Одно? Два. Кто больше? Все равно по пять минут дадим. Всё, два по пять. Пожалуйста, прошу Вас!

Мирошниченко. Спасибо, я надеюсь короче. По поводу вопроса о новой схеме вывода капитала из банков через кредиты физлицам. Вывод капитала из банков через кредиты физлицам – действительно, есть такая интересная тема, и, Олег, если захочешь посмотреть, или там твои ребята захотят посмотреть такой пример в чистом виде, вот просто незамутненный ничем, то возьми сегодняшний случай с банком «Каспийский» – это просто вот-вот в чистом виде. Да, это действительно так.

Мне, в общем, достаточно лестно, что какие-то мои мысли, до которых у меня самого руки никогда в жизни не дойдут, не пропадают втуне. В этой же связи еще хочу подкинуть идейку. Если есть желание добраться до середины паутины, вот такой вот, проблем российского банковского сектора, просто срез такой, то есть такой замечательный документ по форме 501 у замечательного банка с регистрационным номером 1000 – вот там, если хорошенько все это раскопать, то можно сделать большой шаг по пути к просветлению и пониманию того, что у нас творится. Ну, это так вот, в качестве таких пожеланий.

Могу расшифровать – это банк ВТБ, Внешторгбанк, а форма называется... Я не помню, как точно, но, в общем, отчет о привлеченных и размещенных межбанковских кредитах. То есть это действительно такая, на мой взгляд, сердцевина вот такой паутины. Ну, наверно, я не буду задерживать вас.

Аузан. У Вас еще куча времени! Пожалуйста, Ваше право.

Митяев. Я тоже постараюсь покороче. Ну, я скажу так: что есть японский вариант санации банковской системы, когда произошла такая искусственная либерализация, вскрытие и консервация за счет там передачи «плохих долгов» в плохой банк, и так, значит, это продолжается там 25 лет. То есть это я к тому – я пытаюсь как-то отнестись к тому, что Алексей Леонидович сказал, что банковская система, финансовая система везде занимает небольшое место. Может быть, и так, но она занимает важное управленческое место в обеспечении экономического роста.

Есть китайский вариант. Опять же, мы его знаем, у нас были спецбанки в свое время. То есть это государственная прежде всего банковская система. По сравнению с Китаем у нас никакой не форсаж, а так, мелкое пыхтение на месте. Там за послекризисные пять лет было профинансировано прежде всего в инфраструктуру больше 20 триллионов долларов. Ну, в эквиваленте, так сказать. Это в несколько раз больше, чем пресловутые QE там, которые себе позволили американцы.

Есть американский опыт, американский вариант. Это когда действительно банковская система балансовая занимает не очень большое место. Может быть, те пресловутые 8% – я сейчас не помню цифры. Но с точки зрения получения прибыли совсем другая доля, и это обеспечивается за счет забалансовых операций, и забалансовые

обязательства там JPMorgan, Goldman Sachs и остальных, Bank of America, Citibank, но это в основном «тройка» там в этом лидирует – никакие там Базели рядом не ночевали. То есть там соотношение не 1 к 10, а 1 к 100 и выше. По стоимости тех забалансовых обязательств, которые они показывают. И за счет этого они программируют рынки, сырьевые цены в том числе, через эти деривативы. Через процентные свопы программируются долгосрочные процентные ставки, и дальше уже ФРС и другие центробанки только в каком-то смысле исполняют их роль.

Поэтому этот сценарий – там происходит вот секьюритизация, действительно корпоративное кредитование, и это очень, действительно выгодная модель, потому что не надо, как у нас по аннуитетам, платить там за три года все долги корпоративным заемщикам, ну, и частным заемщикам, а можно там выпустить облигации и потом их рефинансировать через выпуск новых облигаций. Поэтому реальная там кредитная нагрузка, конечно, гораздо ниже, чем... Вот.

Поэтому... Ну я, заканчивая, так несколько эпатирую, так сказать, и утрирую, но тем не менее, «сценарий мечты» – он, к сожалению, одновременно является и таким, наиболее жестким сценарием. Ну, долгосрочно. Я не говорю, что это будет в этом году – это все может быть в следующем году. Но тем не менее, для российской банковской и финансовой системы это или ирландский, или кипрский вариант такой возможный, с частичным или полным, причем это не от нас сейчас уже зависит, отказом от внешних обязательств и попыткой наладить внутренние контуры рефинансирования экономики. Ну, это прежде всего дает, чисто арифметически дает сразу экономию хотя бы на разнице процентов, потому что мы платим внешнему миру 50 с лишним миллиардов долларов сейчас в год.

И, соответственно, вторая вещь, условие этого жесткого «сценария мечты» – это то же самое, реструктуризация мировой финансовой системы, которая, на мой взгляд, тоже неизбежно в среднесрочном плане предстоит, просто потому, что рефинансирование через долговую пирамиду, прежде всего государственных, но и не только, корпоративных долгов, – оно не вечно, и, соответственно, это сбрасывание так или иначе произойдет. Ну, лучше бы, в наших интересах – чтобы второе происходило параллельно или вместе с первым, но это, однако же, не от нас зависит. Может быть и наоборот: что сначала на нас в этом смысле «потренируются», а потом, так сказать, когда-нибудь дойдет очередь и до остального мира. Я вот на этом закончу.

Аузан. Спасибо.

Поморина. А можно мне?

Аузан. Пожалуйста, время есть. Время позволяет. Пожалуйста!

Поморина. Поморина, Финансовый университет. Я благодарю, во-первых, докладчиков, потому что я разделяю их беспокойство по поводу того, что происходит. Хотела чуть пояснить свою позицию по поводу вывода капитала из банковской системы и вывода капитала за границу. На самом деле, это одно и то же. Рисуетя – я просто много лет проработала в банке, поэтому знаю это изнутри и умею это искать в балансах банков.

Сначала выдается кредит, потом этот кредит переводится, естественно, в какую-нибудь там оффшорную фирму. Через мои руки как аналитика прошло огромное количество балансов таких, знаете, вот оборотно-сальдовых ведомостей с названиями компаний, и там вот эти названия компаний, где кредиты, по сути, безнадежные, это не кредиты там каким-то российским предприятиям – это там кипрские Ltd. и т.д.

Сейчас этот список поменялся и, скорее всего, поменялся на каких-то физических лиц, поэтому вот есть подозрение, что процесс продолжается, и если говорить про «сценарий мечты», то я совершенно согласна с Алексеем, потому что мне кажется, что должна черепашка пойти. Если не поползет черепашка, то какое-то форсированное развитие банковского сектора – оно совершенно бессмысленно, потому что до сегодняшнего дня банковский сектор занимается просто выводом того, что зарабатывает реальная экономика, за пределы страны.

Может быть, если эти возможности ограничить и использовать даже, может быть, какие-то китайские решения – вот сейчас много говорят и говорили про государственные банки, про то, что они не дают возможности конкурировать и т.д., но они и так не дают возможности конкурировать. У них все равно, у Сбера – 25%, у ВТБ там 10%, еще 5% у Газпрома, да? Когда говорят, что это маленькие банки ведут свою такую вот некачественную деятельность, выводят капитал, проводят – это смешно. У них 2% активов, и поэтому на самом деле все, что реально осуществляется, осуществляется через тридцатку крупнейших банков. Достаточно посмотреть отчетность Центрального банка, там топ-30 – 31200(?) и за пределами.

Поэтому, может быть, действительно сейчас преждевременным является отказ от государственного регулирования, но зато эти государственные банки – их на самом деле никто не регулирует. Они живут независимо, живут с независимыми планами, с независимыми расходами. И еще одно замечание аналитика – у них эффективность, то есть соотношение расходов к доходам, в три раза хуже, чем у небольших банков, которые вынуждены конкурировать там с условием отсутствия доступа к ресурсам. Поэтому, если государство этим... А это управляется вручную, действительно можно посадить за стол и определить, а издержки-то объяснимы или нет. Тогда, может быть, что-то сдвинется с места. То есть нужен какой-то государственный момент. Спасибо.

Аузан. Спасибо. Алексей Леонидович, пожалуйста, Ваши заключительные соображения. Минуты на три.

Ведев. Дмитрий Аркадьевич, возражу насчет Китая. В Китае как раз не очень форсировано все развивается, потому что там норма сбережений – 50% ВВП. И соотношение кредитов к депозитам – 65-70%. То есть там более чем стабильная банковская система. Я имел в виду форсаж банковской системы. А то, что там много делается, это конечно, да.

А так, в принципе, мне кажется, что и вот реформа в банковской системе – она началась де-факто, и как-то вот крайне мало обсуждена, и, мне кажется, очень... Центральный банк либо это не обсуждал, либо не донес все-таки до участников рынка, к чему мы идем. Это, я считаю, очень опасно, и крайне важно вести дискуссию как о девальвации, потому что тоже в какой-то момент Центральный банк решил, что девальвация – это наше всё, видимо. Хотя вот у меня совершенно неоднозначная позиция.

Я считаю, что диспут о банковской системе крайне важен. Крайне важен хотя бы из-за того, что мы идем, может быть, к какому-то новому пониманию и хотя бы организуем дискуссию. Спасибо.

Аузан. Олег Геннадьевич, прошу!

Солнцев. А сколько минут дается?

Аузан. Минуты три. Нормально? Нет, можно даже четыре, но это будет нечестно по отношению к партнеру, правда?

Ведев. Я сэкономил.

Солнцев. Хорошо. Тогда, наверно, если резюмировать – я противник крайностей. Сторонник середины некоего пути. Когда я слышу такие максимумы, как «госбанки – это зло» или, «если мы будем расти медленно, то все будет хорошо», – всё во мне восстает против этого. Давайте потезисно.

По поводу «госбанки – зло». Оценки наших экспертов показали, что по соотношению cost to income в среднем госбанки оказываются более эффективными, чем частные банки. Это парадокс объясняется тем, что у частных банков очень много невыясненных расходов. Возможно, это как-то связано с ответом на вопрос, куда деваются деньги вкладчиков и собственников. Но у частных банков немало проблем не только с эффективностью, но и с устойчивостью. Судя по целому ряду параметров, они часто более склонны к рискованным стратегиям привлечения и размещения средств.

Но я ни в коей мере не сторонник того, чтобы госбанки собой заменили всё и вся. Для того, чтобы частные банки смогли жить в рискованной среде, нужно создать им

возможности быть сильными, выстраивая здоровый бизнес. Для этого нужно развивать те рынки, на которых они смогут быть сильными.

По поводу скорости – ну, наверно, да, форсированный рост объемов операций банковской системы не нужен, но с другой стороны, нужен форсированный рост их качества. Отсюда опять же задача развития новых сегментов рынка, приносящих это повышение качества. А для этого нужно не только ограничение, запрещение, но и стимулирование, создание нового. Упорная черепашка может двигаться к цели быстрее мечущегося зайца, но при условии, что мы не лишили её ног. С одним панцирем, без ног она точно будет двигаться медленнее.

Аузан. Спасибо. Евсей Томович! Вам заключительное слово, прошу Вас!

Гурвич. Я считаю, что сегодня была замечательно содержательная профессиональная дискуссия, и поэтому хочу от своего имени и от вашего поблагодарить обоих участников. И пригласить вас на следующий – причем сегодня 85-й, а в следующий раз сразу будет 87-й, потому что завтра у нас еще диспут в Екатеринбурге проходит. На тему «Может ли евразийская интеграция быть столь же успешной, как европейская?»

Реплика. Конечно!

Гурвич. Нет, я считаю, что не может быть такой же. Она может быть только более эффективной, да.

Аузан. Поэтому Вы не участвуете в диспуте.

Гурвич. Я не участвую, да. Приглашаю вас на следующий диспут.

Аузан. 87-й.

Гурвич. Да, 87-й. Который состоится 15-го мая в 18 часов в известном вам помещении. Тема будет доведена до всех наших постоянных участников. Спасибо!